
ОГОНЁК
№ 18 МАЙ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С ПРАЗДНИКОМ 1 МАЯ!
Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
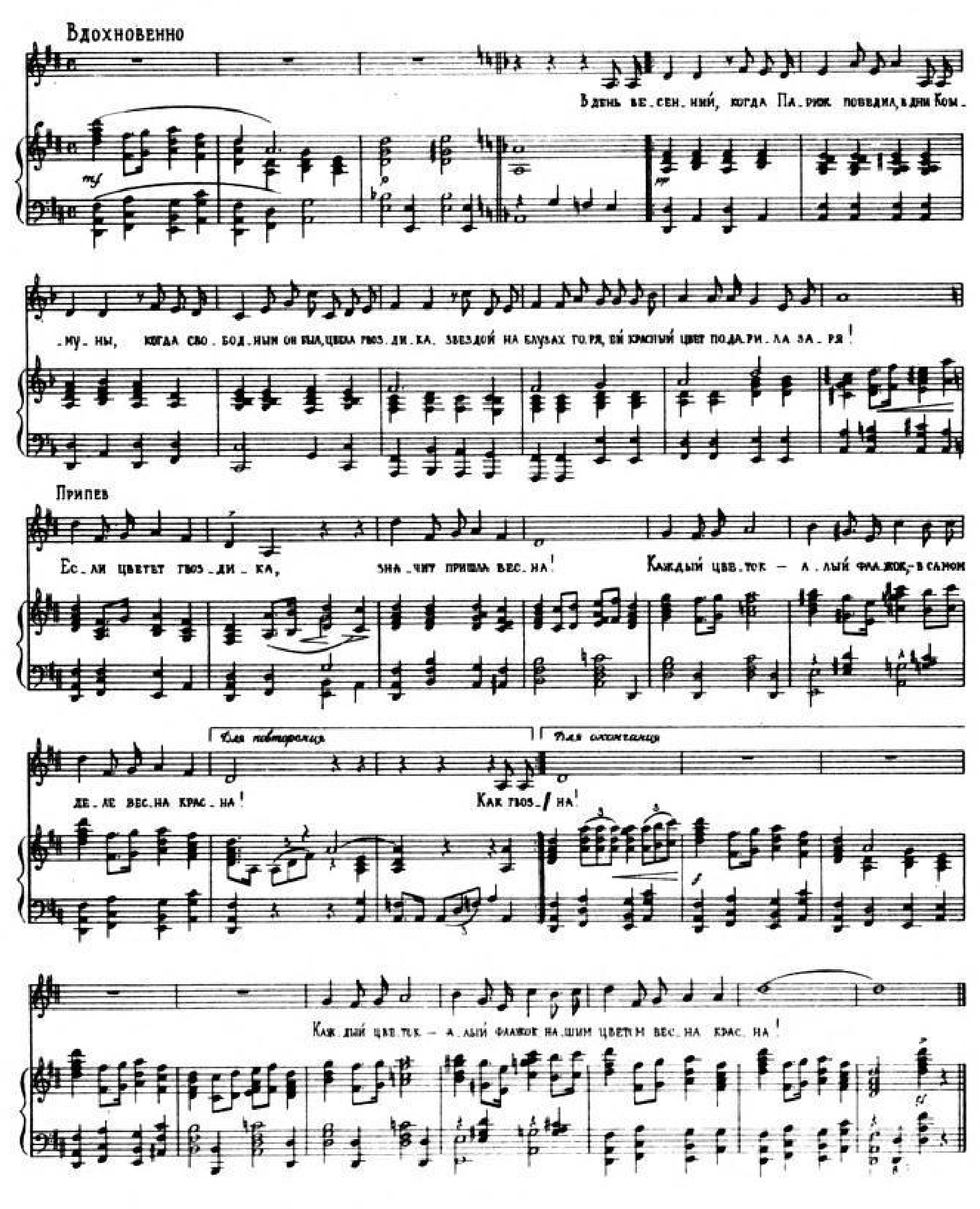

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 18 (2027)

1 МАЯ 1966

ЕСЛИ

Музыка Людмилы ЛЯДОВОЙ.
Стихи Владимира ГУРЬЯНА.

В день весенний, когда Париж победил,
В дни Коммуны, когда свободным он был,
Цвела гвоздика, звездой на блузах горя,
Ей красный цвет подарила заря!

Если цветет гвоздика,
Значит, пришла весна!
Каждый цветок —
алый флажок,—
В самом деле весна
красна!..

Делегатки XXIII съезда КПСС Е. Антонова, М. Карликова, М. Ихарлова, Л. Асеева. В руках у них алеют гвоздики — подарок французских друзей-коммунистов.

Фото А. Гостева.

ЦВЕТЕТ ГВОЗДИКА!..

Как гвоздики на материнской груди,
Над Москвою рубины звезд, погляди!
Стремится к звездам друзей восторженный взгляд —
К нам из Парижа гвоздики летят!

Если цветет гвоздика,
Значит, пришла весна!
Каждый цветок —
алый флажок,—
В самом деле весна
красна!..

Все преграды весна сметет на пути,
Вся планета должна свободно цвести.
Пускай народы друг другу дарят цветы
И, как товарищи, будут на ты!

Если цветет гвоздика,
Значит, пришла весна!
Каждый цветок —
алый флажок,—
В самом деле весна
красна!..
Каждый цветок —
алый флажок.
Нашим цветом весна
красна!

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! АКТИВНО УЧАСТВУЙТЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ! ПРОВЕДЕМ ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ПОД ЗНАКОМ БОРЬБЫ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ XXIII СЪЕЗДА КПСС!

Из первомайских призывов ЦК КПСС

СТРАНА НАЗЫВАЕТ ДОСТОЙНЫХ

НЕСОКРУШИМОЕ ЕДИНСТВО

Это будет 12 июня. Больше месяца отделяет нас от этого дня, но уже сейчас можно сказать, каким он будет праздничным, радостным, светлым. Красные флаги и транспаранты в городах и селах. Строгая сосредоточенность избирательных участков. Стопки бюллетеней на столах избирательных комиссий...

12 июня мы будем голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных — кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Уже сегодня мы знаем, чьи имена увидим в бюллетенях, которые опустим в избирательные урны. Эти имена звучат на предвыборных собраниях трудящихся.

Первыми кандидатами единодушно названы товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест. Такое яркое выражение доверия советских людей к руководителям Коммунистической партии и Советского правительства — еще одно убедительное свидетельство незыблемого авторитета партии и правительства в народе.

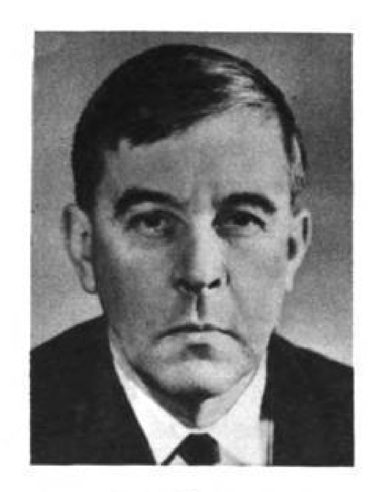
Растет почетный список кандидатов в депутаты, которым народ хочет доверить свою судьбу, свое будущее: московский слесарь-сборщик В. В. Ермилов и директор ленинградской фабрики В. А. Орлова, академик И. Г. Петровский и космонавт В. В. Николаева-Терешкова, писатель М. А. Шолохов и лучшая доярка Новосибирской области Н. М. Барышева, украинский шахтер М. Л. Бойко и эстонский зоотехник Х. О. Коппель... Строители Урупского горно-обогатительного комбината, о котором мы рассказываем в этом номере журнала («Медь на ладони»), назвали своим кандидатом в депутаты лучшего проходчика горного участка Х. И. Ионова, а жители армянского города Ленинакана — машиниста-инструктора С. А. Микаеляна, которого читатели «Огонька» знают по репортажу «Ленинаканская символика», опубликованному недавно.

Страна готовится к большому июньскому празднику. Предвыборные собрания демонстрируют нерушимое единство советских людей, сплоченность блока коммунистов и беспартийных, их любовь и преданность родной партии.

На снимке: Выдвижение кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Тимирязевскому избирательному округу города Москвы начальника монтажного управления Домостроительного комбината № 1, Героя Социалистического Труда Геннадия Владимировича Масленникова единодушно поддержал на предвыборном собрании коллектив сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

Фото А. Бочинина.

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1966 ГОДА ЗА НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ

Н. В. ЕФИМОВ. За исследования по возникновению особенностей на поверхностях отрицательной кривизны.

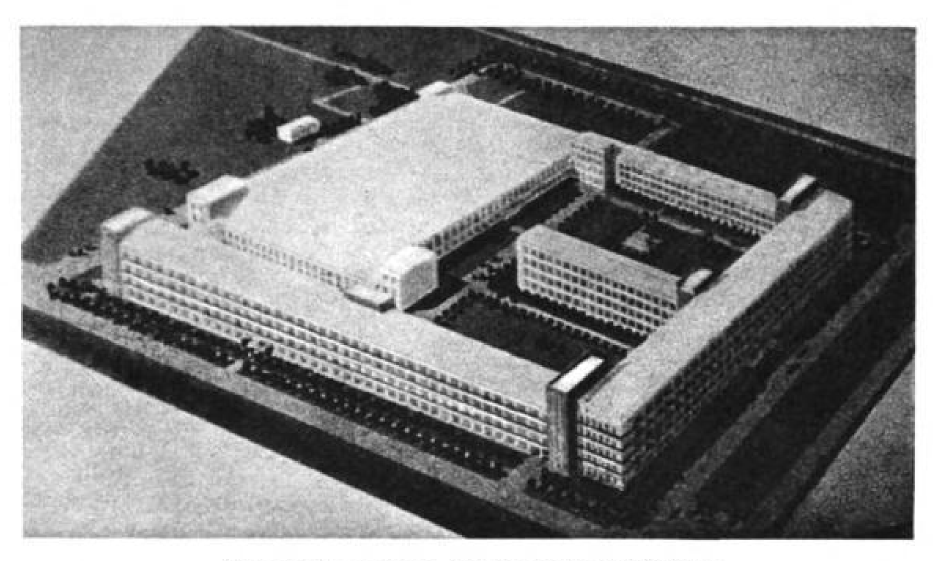
В. К. ИВАНОВ. **А. Н. ТИХОНОВ.** За цикл работ по некорректным задачам.

А. Н. НЕСМЕЯНОВ. За цикл исследований в области элементоорганических соединений.

Н. П. ДУБИНИН. За цикл работ по развитию хромосомной теории наследственности и теории мутаций.

НОВЫЕ РУБЕЖИ ПОЛИГРАФИИ

Проект Чеховского журнального комбината.

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ОБРАТИЛСЯ К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ПО ПЕЧАТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ МИХАЙЛОВУ С ВОПРОСОМ: КАКИЕ НОВЫЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ВСТУПЯТ В СТРОЙ В ЭТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ?..

— Видите красные кружки на карте СССР? Ими отмечены наши крупнейшие стройки. Вот Тула. Здесь недавно закончилось строительство книжной типографии. Это современное производство с большими, светлыми цехами, которые оформлены по законам технической эстетики и оснащены новейшим отечественным оборудованием. Тут будут печататься главным образом книги, выходящие в издательстве «Советский писатель». Мощность тульской типографии — 250 миллионов листов-оттисков в год.

Однако она кажется небольшой по сравнению с Чеховским журнальным комбинатом. Это — крупнейшее полиграфическое предприятие не только в нашей стране, но и в Европе. Здесь будут печататься 300 журналов. Объем их — два миллиарда листов-оттисков. Управлять таким предприятием старыми способами невозможно. Поэтому в Московском полиграфическом институте для журнального комбината разрабатывается система управления «Оргтехника». В чем ее особенность? Около каждого рабочего места имеется датчик, который информирует диспетчера, чем загружена машина, какой журнал она печатает и т. д. Взглянув на пульт, диспетчер узнает обо всем, что делается в цехе.

В январе нынешнего года государственная комиссия приняла первую очередь комбината — здесь уже печатается 50 журналов. Вторая очередь — в стадии строительства. Крупнейшие фирмы ГДР проектируют для комбината специальное оборудование. Вся его работа будет построена на основе новых принципов организации издательского дела. Журналы станут печататься методом оригинал-макета. Чтобы понять, каков этот метод, нужно познакомиться с печатно-кодирующим устройством «Север», которое выпускает Томский завод математических машин.

Сначала на машине «Север-21» оператор, как на пишущей машинке, печатает текст, полученный из редакции. Одновременно машина выдает бумажную ленту, на которой закодирован и сам текст, и гарнитура (начертание) шрифта, и кегль (его размер). Корректор просматривает текст. Если ошибок нет, текст отправляется в типографию, где линотипы-автоматы делают набор по командам перфорированной ленты. Если же в тексте обнаружены ошибки или требуется правка, то на машине «Север-22», именуемой «корректирующим устройством», поправки переносятся на отдельную перфорированную ленту. Затем обе ленты поступают в машину «Север-23». Она автоматически, без участия операторов, печатает окончательный, исправленный текст и выдает третью перфорированную ленту для линотипов-автоматов. Это сулит большой экономический эффект: сейчас корректурный набор занимает до 20 процентов мощности наборных цехов.

Поскольку речь пошла о новой технике, нельзя не упомянуть и об электронном цветокорректоре — сложнейшей машине, которая поможет повысить качество печати цветных открыток и репродукций.

Следует подчеркнуть, что нам надо еще очень многое сделать для подъема полиграфического производства. В этом смысле мы немалого ожидаем от работников полиграфического машиностроения, от химиков, бумажников — качество бумаги оставляет желать лучшего. Есть новинки и в газетном производстве. Давно уже в крупных городах СССР центральные газеты печатаются с матриц. Но страна наша очень велика. Между Москвой и Владивостоком большая разница во времени, и потому газеты там, хоть и печатаются с матриц, выходят значительно позже, чем в Москве. Можно улучшить дело, если передавать изображение газеты по каналам связи. Сейчас такая передача идет в Ленинград и в Новосибирск. Жители Новосибирска, например, получают «Правду» в восемь часов утра по местному времени. В ближайшие пять лет пункты приема изображения газет будут открыты во всех крупных городах страны. Это — очень большое дело.

Комитет по печати подготовил свои предложения о дальнейшем развитии в 1966—1970 годах полиграфической базы центральных, республиканских, краевых и областных газет.

Однако вернемся к тому, с чего мы начали. Сейчас близится к концу возведение крупнейшего предприятия по выпуску детских книг в городе Калинине. В Смоленске начинается строительство типографии, где будут печататься многокрасочные школьные учебники. В Торжке сооружается вторая очередь большого завода, который обеспечит нашу полиграфию высококачественными красками. Запланировано строительство наборной фабрики в Москве — процесс печатания книг здесь будет организован по-новому. Не понадобится перевозить в печатные цеха тяжелый металлический набор. Вместо него будут рассылаться картонные или винипластовые матрицы. Кстати, уже и сейчас в некоторых типографиях вместо металлического набора применяется пластмассовый шрифт. Он значительно легче. По мнению экспертов, применение такого шрифта — дело очень перспективное.

В ближайшем будущем около метро «Новые Черемушки» начнет подниматься ввысь многоэтажное здание Дома печати. В нем разместятся 25 издательств, управления Комитета по печати, Всесоюзная книжная палата.

Большие полиграфические предприятия возводятся и в союзных республиках. Все это даст возможность выполнить намеченное Директивами XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану: увеличить тираж книг примерно на 25 процентов, журналов — более чем в полтора раза, газет — примерно на 40 процентов. Вряд ли надо объяснять, какое это будет иметь значение для коммунистического воспитания трудящихся.

НАУКИ И ТЕХНИКИ, НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА.

С. В. ГЕРАСИМОВ. За серию картин «Земля русская».

Зара **ДОЛУХАНОВА.** За концертно-исполнительскую деятельность (программы 1963—1965 годов).

С. А. ЗАКАРИАДЗЕ. За исполнение роли Георгия Махарашвили в художественном фильме «Отец солдата».

А. А. ПЛАСТОВ. За серию картин «Люди колхозной деревни».

М. А. УЛЬЯНОВ. За исполнение роли Егора Трубникова в художественном фильме «Председатель».

Н. К. Еременко в кулуарах XXIII съезда КПСС.

Николай БЫКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Назар Константинович вернулся в колхоз.

ЗАВЯЗЬ

На Кубани долго шли ненужные дожди. Озимый хлеб выше колен и дожди, сады в цвету и дожди. Солнце, солнце и дожди...

Назар Константинович положил трубку зеленого телефона: «И на четвертом отделении льет, сидят хлопцы, материалы съезда изучают». Вошел дед Березнев. Потом я узнал — старожил, станичный «синоптик»: ведет наблюдение за природой чуть ли не полвека. Отдал председателю свой прогноз на лето: «К дожжу оказывает...» И вышел. Снова телефон. Новое приглашение председателю: «Назар Константинович! Приезжайте, просим о съезде поделиться! Личными, как говорится, впечатлениями...» Обещал.

Еременко очень много ездит в эти дни по району. Был он делегатом XXIII съезда КПСС, и всем хочется послушать еще раз о решениях съезда, о Москве, о тех, кого там видел, с кем говорил. И Назар Константинович не может отказать, рассказывает. Если бы не погода, конечно, сложнее было бы выкроить время, хозяйство бы не пустило. Сейчас два чувства разрывают сердце Еременко: желание, партийный долг до каждого хутора донести свет Дворца съездов и тревога за весенние работы, за непосеянные гектары.

— Весной ни цветения, ничего не видишь,— говорит Назар Константинович,— только и думы, что про осень, про урожай. Видите, как у нас в сельском хозяйстве! И график есть и работы развернули, а набежала тучка, и весь твой график как та абстрактная живопись: каждая травинка вопросом изогнулась, каждое зернышко криком кричит!.. Кое-где ячмень полег...

Мне рассказывали, как знаменитый на Кубани механизатор заметил однажды: «Бачишь, у нас сельское хозяйство в дом моделей превратили. Шо кто закажет, то мы и зробым!..» Эти времена, кажется, уходят в область изустных преданий и анекдотов...

— Ну, вот и солнышко, поехали на виноградники,— заторопился вдруг председатель.

В канун открытия партийного съезда наш журнал рассказал коротко о том, как готовился к поездке в Москву председатель кубанского колхоза «Россия», Тимашевского района, Герой Социалистического Труда Назар Константинович Еременко. И вот делегат вернулся в станицу. Ждали его и дома и в районе. Первым делом райком партии собрал актив, секретарей парторганизаций всех хозяйств. Встреча с делегатом прошла интересно. Еременко обстоятельно рассказал о пережитом. Разъехались вожаки станичных коммунистов по домам, и тут началось! Люди захотели от самого Еременко узнать, как проходил съезд. Тогда-то и пришлось Назару Константиновичу делить свои дни и ночи пополам — для народа половину, а половину для полей и ферм колхоза «Россия».

...«Волга», как добрый казацкий конь, взяла с места, и побежали улицы станицы Медведовской, утопающие в цветущих вишенниках. Сразу за околицей — неоглядная зеленая степь. Пшеница, пшеница, пшеница. Густая, она крутыми волнами ходила под теплым ветром. В глаза бросилась необычайная высота хлебостоя.

— Вы правы, такой еще и я не видел,— сказал председатель.— До восьмидесяти сантиметров вымахнула! Хлебов отменных ожидаем... Если кончит лить, то намолотим пудов...

Назар Константинович улыбнулся: называть цифры намолота лучше не в апреле, а в июле, в тени колхозного амбара.

— Но все равно уборка ожидается очень ранняя и радостная! Тут не только природа, но и механизаторы наши, агрономы славно поработали. И химия! И она, а как же? Сейчас без селекционеров, без агрохимиков, без агрономов урожай не сделаешь. Культура земледелия — не просто строка из партийных решений, а веление времени. Нам надо урожайность полей поднимать! Что ж, что Кубань? Кубань может давать много больше, надо только навоз уважать, к ученым прислушиваться да своих станичных «синоптиков» не забывать, а главное, людям платить за их труд. Тогда любая пятилетка по плечу!..

На собрании краевого партийного актива делегаты съезда и руководители края, районов, хозяйств тоже говорили о мерах повышения урожая зерновых. В крае широко известен почин бригадира Михаила Ивановича Клепикова, делегата XXIII съезда КПСС, кандидата в члены ЦК партии. Он призвал всех хлеборобов начать поход за высокую культуру земледелия. Почему так много говорят об этом движении? Поля Кубани и раньше вызывали своей красотой, внешней культурой восторженное удивление. Но сейчас партия требует повысить качество хлеба. Это значит, что предстоит за три — пять лет научиться собирать на каждом гектаре на 4—5 центнеров зерна больше, чем в минувшем году, то есть поднять на Кубани среднюю урожайность зерновых до 30 центнеров с гектара! Вот почему первая забота — о культуре земледелия. Не только о внешней, но и об агрономической культуре.

Разлив богатырской пшеницы остался слева, а машина нырнула в белопенную глубину садов. Мир сказочный и такой земной! Яблони, вишни, сливы осыпаны цветами. Ветер гонит по ухоженной земле бело-розовое конфетти. Ветви черешен, густо опушенные цветами, подняты высоко к небу.

— Сильный цвет! — потрясенно повторяю за председателем.

— Сильный! Такая уж весна выдалась. Надолго запомнится!

Весна запомнится не только могучим цветением садов, теплыми дождями. Это весна пятилетки...

Назара Константиновича увидели женщины, обрезающие виноград. Разогнулись, стали выходить из рядов, началась звонкая и острая перекличка. Давно не видели своего председателя: то в Москве, то в Тимашевке, то в Краснодаре, то где-то у соседей. Звеньевая Лидия Сырых сразу берет Еременко в оборот: «Расскажите, Назар Константинович!» Подходят Анна Григорьевна Марченко, Олимпиада Алексеевна Чернова и другие.

— А Гагарина видели?

— Вы бы Терешкову в гости привезли! И с дочкой! У нас как бы им хорошо-то было!

— А как решили с гарантированной оплатой?

— А болоньи нам привезли?

Назар Константинович не отбивался, отвечал весело и подробно:

— Видел, женщины, видел! И Юрия Алексеевича и Терешкову, только без дочки. Всех видел, и решили делегаты много хорошего на съезде. Будет еще и съезд колхозников, тогда уж новый колхозный Устав примут. Я вот когда ехал в Москву, мне наказывали старики поставить вопрос о пенсиях. А партия сама вынесла его на обсуждение. Вы знаете, что теперь пенсионное обеспечение в селе приравнено к городскому. Это и возраста касается. И об оплате тоже шла речь. Будет гарантированная, но у нас-то сравнительно высокая оплата, наш край стоит на третьем месте в стране!

Еременко слушали серьезно и с пониманием. А говорил делегат съезда о том, что главное в колхозной пятилетке — повышение производительности труда, поиск внутренних резервов развития хозяйства. Он объяснял, что раньше в колхозе считали только валовую продукцию. Много — значит, и хорошо... Но при новом подходе к экономике это не совсем точно. Важно, сколько затрачено живого труда на производство центнера хлеба или молока. Пять лет назад на центнер зерна без кукурузы в колхозе «Россия» тратили 0,1 человеко-дня и в прошлом году столько же. Значит, надо найти возможность снизить эти затраты. На производстве кукурузы затраты уже снижены вдвое, на производстве подсолнечника — тоже почти вдвое. Нужно, чтобы и на молочных фермах, и у свекловичниц курс на снижение затрат держали.

— Назар Константинович! У нас из года в год черешни много гниет, почему заготовителей не разбудят? И нынче какой сильный цвет, а что же это, опять так же будут заготавливать? И винограда много и яблок — почему столько фруктов пропадает? Разве мы сами не продали бы их?

Вопросы, вопросы... Назар Константинович и сам тоскует по прямым связям с торговыми организациями, по открытому рынку. Тут и проблема цен, и проблема тары, и транспорта...

— Сады у нас замечательные! Колхозу они дали полмиллиона рублей, а могут давать и весь миллион!

...Хорошо в полдень на кубанском винограднике, под шатрами цветущих яблонь! Тонкий запах розовых и будто восковых бутонов, гудение шмелей, земля в осыпавшихся лепестках. Канун Первомая, ранняя песня пробужденной земли!..

А машина председателя уже снова вынырнула из белопенного тунneля и помчалась вдоль пшеничного разлива. Еременко спешил в Медведовскую школу. Ребята очень просили прийти к ним. С утра в кабинет председателя еще раз пришли делегаты от школьной пионерии и комсомолии: «Не за-

Вот она, пластинка с мелодией «Интернационала»! →

будьте, Назар Константинович! Вы же обещали! И пластинку, ту самую, не забудьте!» Да, да, он обещал им, он не забыл. Пластинка уникальная, с записью мелодии «Интернационала», переданной из космоса! Всем делегатам XXIII съезда партии по одной такой подарили в Кремле. И он обещал принести ее в школу, но только что предупредили: будет отключена электроэнергия. А как же быть с радиолой? И Назар Константинович торопил шофера: «Надо успеть! Надо!»

На встречу с председателем колхоза собрались все ребята, все учителя. В зале битком, смех, песни. И вдруг... Замирает зал: позывные космоса — «Интернационал»!..

Да, в станичной школе зазвучали позывные с прилунной орбиты! Советская автоматическая станция «Луна-10» передает мелодию партийного гимна! Надо было видеть детей, их глаза, их заалевшие от нежданного волнения уши!.. Хрустальный голос Вселенной, напевшей землянам такой знакомый мотив: «С Интернационалом воспрянет род людской!..»

Гром аплодисментов. Ладоней не жалели! А потом вопросы, вопросы... И снова: «Юрия Алексеевича видели?» Назар Константинович передал медведовским школьникам на вечное хранение алую пластинку с мелодией «Интернационала», ставшей с апреля 1966 года позывными космоса.

...Станица готовилась к встрече Первомая. Среди зеленых тополей протянулись красные полотнища. И солнце нового погожего утра, как флаг, поднялось над хлебной степью. Весна в зените! Лиловый ветер качал зеленое пламя свечеобразных тополей, гнал от горизонта до горизонта сиреневую волну пшеницы, сбивал легкую пену цветения с вишен и черешен. Клубились белым майским дымом сады. Первомай, первоцвет нового станичного пятилетия. Люди ждут от него добрых завязей.

— Ишь, пчела потянулась в сад! Чтобы весна пустоцветом не кончилась, пчелы нужны, их труд... Теперь дожди нам ни к чему,— говорил, прощаясь, Назар Константинович.

Тракторы пошли в поле, в сад. Сильный голос пел: «Спасибо, аист, спасибо, птица!..» Спасибо, жизнь, за счастье жить! Верю, будут крепкими новые завязи, и плоды тоже будут!..

Марселину душ Сантуш награжден золотой медалью Всемирного Совета Мира. Она присуждена ему как представителю Фронта освобождения Мозамбика и как генеральному секретарю Конференции за освобождение португальских колоний.

Но читатели «Огонька» давно уже знают Марселину душ Сантуша именно как поэта. Правда, он выступал на страницах журнала под псевдонимом Лилинью Микайя... Его пламенные стихи впервые были изданы отдельным сборником еще в 1959 году в библиотеке «Огонька» под названием «Песня истинной любви». Тогда, несмотря на традиции этой библиотеки, нельзя было опубликовать на обложке фотографию поэта... Сегодня, поздравляя Марселину душ Сантуша с высокой наградой, мы с удовольствием печатаем его фотографию.

Каким праздничным событием могла бы стать для Марселину, для всех его товарищей по борьбе эта золотая медаль, которая впервые присуждается сыну Мозамбика международной организацией, представляющей миллионы сторонников мира. Но в Мозамбике еще не пришло время праздников. Партия Фронта освобождения руководит военными действиями, пядь за пядью очищая родную землю от португальских захватчиков. А в главном городе этой страны военный трибунал колонизаторов судит представителей мозамбикской интеллигенции. Среди них писатели Жозе Краверинья, Руй Ногар и Луиш Бернарду Онвана. Их судят за связи с партией Фронта освобождения.

Здесь печатаются стихи поэтов Мозамбика — борцов за его свободу.

СТИХИ УСТРЕМЛЕНЫ, КАК КОПЬЯ

Марселину душ САНТУШ

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЕЙ БАБУШКЕ

Давно-давно влачу я дни свои,
По свету странствуя,
По дальним чуждым землям...
Свет глаз моих
Все время изливается
На незнакомые пейзажи,
Где манговых деревьев нет
И баобабов нет...

Так много длинных дней
Ты ожидала,
Что наконец появится мое лицо
Перед тобой с улыбкою надежды
В траве, высокой, словно копья...

И ты ушла туда,
Откуда нет возврата,
Не в силах больше ждать.

А я блуждал в далеких странах.
Но сердце не пришло со мной
сюда,
Оно осталось дома, с другом
Сабонети,
С Жозе и Шитимелой...

Порой мне так хотелось
Стать снова мальчиком,
Которого ты целовала,
Баюкала и пела
Свои однообразные напевы,
Над ступкой стоя.
И мне казалось,
Что снова ты рассказываешь мне
Печальную историю народа.
Теперь ты лишь добавила
страницы
О многих сыновьях твоих,
Которых добрая земля
Навеки приютила.

Потом...
Опять тянулись дни тоски,
Сильнее нас была судьба,
Заставившая нас об отдыхе
забыть.
И не было тебя,
И тяжким стал мой сон.
Я сна лишился
С тех пор, как перестала ты
Укачивать меня.

Но мальчики тогдашние
Теперь прекрасно знают
Историю народа твоего,
Историю твоей надежды,
Которую мы все осуществим!
Теперь твои сыны и внуки
Устремлены вперед, как копья
В твоих руках.
Они растут,
Как хлопок, как маис,
Как корни баобабов,
Питаясь соками родной земли!

•

Руй НОГАР

СОЛДАТ ПОНЕВОЛЕ

Он пошел поневоле,
Боясь почувствовать страх,
Поневоле тем более,
Что жену он оставил
В родных местах.

Он пошел поневоле,
Стыдясь почувствовать стыд,
А вдруг велят убивать детей?
Ведь у него за своих душа болит.

Он пошел поневоле,
Желая лишь одного:
Чтоб поскорее прогнали его.

Он пошел
Без мужества, без старания,
Без ненависти, без понимания,
Но пошел,
Но пошел.
Кто-то другой ненавидел, а он
Убивать и убивать был принужден.

Вот так и было до того самого
дня,
О насмешка! Ясного дня.
В тот день солнце светило,
Была надежда,
И письмо было,
Письмо от жены, и от матери
милой,
И от детей.
Было... Было...

Ну, а потом?
А потом
Разнесла на клочки солдата
С предательским хохотом
Эта граната
С желтым клювом
И с красным хвостом.

•

Жозе КРАВЕРИНЬЯ

ЧЕРНЫЙ КРИК

Я — уголь, да, господин,
Ты делаешь во мне свои шахты
И вырываешь меня из глубин.

Я — уголь.
Ты сжигаешь меня,
Чтоб я двигал миллионы машин.
Но не вечно же будет так,
Нет, господин!

Я — уголь.
Я должен гореть, да,
Все сжигая дыханием
раскаленным.

Я — уголь.
Я должен гореть угнетенным,
Пока не испепелится проклятье,
Гореть все ярче и горячей,
Чтоб больше не быть шахтой
твоей!

Я — уголь,
Я должен гореть,
Все сжигая дыханьем своим.
Да,
И тебя я сожгу, господин!

Перевела с португальского
Лидия НЕКРАСОВА.

Фото ТАСС и ЮПИ

ИТАК, НАЧАЛОСЬ!

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Пятьдесят лет назад американский империализм начал свою вооруженную интервенцию против Санто-Доминго. Сменялись диктаторы, но каждый из них был слугой Уолл-стрита и беспощадным врагом своего народа. И вот год назад — 24 апреля 1965 года — в стране произошел переворот, который не соответствовал традиционной схеме: вооруженный народ Доминиканской республики поддержал полковника Франсиско Кааманьо как руководителя конституционалистов, выступающих за создание законного национального правительства. Однако Уолл-стриту для продолжения грабежа нужен был надежный подручный, и Уолл-стрит попытался навязать стране нового диктатора — Э. Вессин-и-Вессина.

Вооруженные силы доминиканского народа одержали победу. 28 апреля они штурмом захватили крепость Осама. На мосту Хуана Дуарте была разбита колонна танков. Народ установил контроль над столицей. Отряды Вессин-и-Вессина были окружены в крепости Сан-Исидро.

И тут США вновь выступили в традиционной, позорной роли мирового жандарма. Под предлогом «защиты американских граждан» в Доминиканскую республику вторглось 42 тысячи американских солдат. Весь мир выразил свое гневное возмущение наглой агрессией. Тогда США попытались прикрыть свое грязное дело флагом «межамериканских сил». 31 августа 1965 года Доминиканской республике навязали «акт примирения», было сформировано «временное правительство». На 1 июня этого года назначены выборы. Но агрессия не прекращена. Американские войска находятся на территории Доминиканской республики. Американская агентура делает свое темное дело: готовит желательный для Уолл-стрита результат июньских выборов.

Не прекратили свою борьбу и доминиканские патриоты. В годовщину начала своего вооруженного выступления они вышли на улицы столицы Санто-Доминго. Многотысячная демонстрация прошла под лозунгами: «Янки, убирайтесь домой!», «Долой интервентов!», «Да здравствует законное правительство!»

Народы всего мира — на стороне патриотов Доминиканской республики, ведущей справедливую борьбу за независимость и демократию.

На снимке: Санто-Доминго в дни вооруженного выступления. В центре полковник Франсиско Кааманьо.

Народ Южного Вьетнама продолжает героическую вооруженную борьбу с американскими агрессорами. В районах, оккупированных армией США, и в самой столице Сайгоне нарастает протест населения против американского ставленника Ки.

На снимке: дети Сайгона вышли на демонстрацию вместе с рабочими, служащими, студентами, чтобы потребовать ухода из их страны заморских оккупантов.

Буэнос-Айрес. Решение министерства иностранных дел Аргентины направить марионеточным властям Южного Вьетнама новую партию продовольствия, одежды и медикаментов вызвало возмущение аргентинских граждан. В стране прошли митинги и демонстрации под лозунгом: «Никакой поддержки американской агрессии во Вьетнаме».

Работницы бельгийских заводов «Эрсталь» (промышленный район Льежа) объявили забастовку, требуя равной оплаты за равный с мужчинами труд. Крупнейшие профсоюзы и тысячи бельгийских трудящихся поддержали забастовку.

В нынешнем году исполнилось 5 лет с начала вооруженной борьбы народа Анголы против португальских колонизаторов. Борьбу возглавляет Народное движение за освобождение Анголы (НДОА) и Союз населения Анголы (СНА). В последнее время значительно возросли организация и активность партизанских отрядов, ведущих борьбу в районе Кабинды, на севере Анголы.

На снимке: группа партизан НДОА в Кабинде.

После 20 ходов в пятой партии Б. Спасский переиграл чемпиона мира по всем правилам шахматной стратегии. Не помню случая, чтобы Т. Петросян так быстро попал в столь безнадежную позицию! Обрадовались журналисты: есть о чем писать, есть сенсация, все ясно — сегодня ничьей не будет! Впервые в своей жизни Спасский положит Петросяна на обе лопатки, такую позицию спасти трудно...

Читатели «Огонька», конечно, давно знают, что сенсация не состоялась. Несколько неточных ходов Спасского лишили его долгожданной победы. Вероятно, после столь острых обоюдных переживаний шестая партия также закончилась вничью, и очень быстро — уже на 15-м ходу.

Кому особенно трудно пришлось после шестой ничьей, так это... автору этих строк. Сотни раз обращался я к себе с мучительным вопросом:

— Ну, Сало, ты-то должен знать, в чем дело!

— Почему именно я?

— Ну как же, ведь ты примерно лет пятнадцать тому назад считался большим знатоком по ничейным вопросам!

Да, это так. Иногда врач, внимательно осмотрев больного и все же затрудняясь поставить диагноз, заявляет:

— Это у вас на нервной почве!

Мне кажется, что ничейная эпидемия в Театре эстрады вспыхнула тоже на нервной почве. Но разве такой диагноз мог успокоить болельщиков? Все громче раздавался их ропот. И все же к седьмой партии зал был переполнен: у болельщиков острое чутье, и они поняли, что гол висит в воздухе.

Именно при таком напряженном, безрезультатном начале матча победа могла иметь громадное спортивное и психологическое значение для чемпиона мира. Ведь претенденту в этом случае придется уже отыгрывать два очка. И действительно, седьмая партия стала достаточной компенсацией для любителей шахмат. Это была боевая встреча самого высокого накала. Прямо с первых же ходов Петросян и особенно Спасский как бы говорили: вперед, только вперед, в бой!

Не буду критиковать Бориса за его слишком острую, даже азартную тактику, которая не имеет шансов на успех с Петросяном, шахматистом железной логики. Но чемпиона мира надо похвалить за способ (внешне он казался совсем простым), с каким он охладил темперамент своего противника, и за энергию, с которой он провел сокрушительное наступление.

Экс-чемпион мира М. Ботвинник в самом начале матча сказал, что, пока Спасский не проиграет партию, острой борьбы не будет. Может быть, Спасскому лучше было проиграть сразу первую партию, как он обычно и делал? Ну что же, будем считать, что немного поздно, лишь в седьмой партии, ему наконец удалось войти в свой график, по которому он шел в матчах с П. Кересом и М. Талем!

Мы начали свой обзор с рассуждения о нервах и кончаем его также: теперь крепкие нервы нужны Спасскому, как никогда. Чемпиону мира стало значительно легче, спокойнее после его исключительно важной и убедительной победы, в то время как Спасскому так пока и не удалось победить Т. Петросяна — факт, который, конечно, давит на претендента с большой силой.

Итак, кончилась ничейная серия. Ну что же, хорошо, что Петросян и Спасский не побили никому не нужный рекорд Алехина и Капабланки, установленный ими в Буэнос-Айресе, где были зафиксированы восемь ничьих подряд.

Чемпион мира Т. Петросян забил первый гол!..

Уинни

Карл НЕПОМНЯЩИЙ

Друзья по партии ласково называют его Уинни — сокращенно от Уинстон. В тот день, когда Генри Уинстон от имени американских коммунистов выступал на XXIII съезде КПСС, ему исполнилось 55 лет. Накануне он говорил друзьям, что совпадение этих двух событий считает счастливым предзнаменованием.

Утром у подъезда гостиницы, где жил в эти дни Уинстон, остановились два такси, из них высыпали школьники с цветами. Они приехали, чтобы поздравить Уинни с днем рождения и пригласить на сбор пионерской дружины. Он нежно обнял и расцеловал детей.

— Мне очень дорог ваш визит,— сказал Уинстон,— и ваши цветы... Именно от вас, людей, которые будут жить при коммунизме...

Потом от комсомольцев Москвы Уинни поздравила группа студентов, они пригласили его на комсомольский вечер в педагогический институт имени Ленина...

Весь день в гостиницу приходили телеграммы. Их присылали города, где бывал Генри и где его всегда вспоминают с горячей любовью и восхищением.

А вечером за праздничным столом собрались новые и старые друзья... Рядом с Уинстоном сидели его жена Ферн, Джеймс и Эстер Джексон, Хайман Лумер, руководитель Компартии Австралии Ричард Диксон, генеральный секретарь Компартии Канады Уильям Каштан, видные деятели компартий Англии, Панамы, Коста-Рики.

— Где сидит Хесус Фариа? — спросил Генри у жены, когда все уселись.

— Как раз напротив тебя.

— А Викторио Кодовилья?

— Рядом с ним...

Лицо Уинни осветилось, засияло.

Он родился на берегах Миссисипи, в городе Геттисберге, и его старые друзья, ветераны рабочего движения Америки Джеймс Джексон и Арт Шилдс вспоминали, как в борьбе с расизмом выковался характер товарища Уинстона. Вспоминали суды Линча на юге штата Миссисипи.

— Мы делим эти минуты с великим американцем,— сказал за столом Джеймс Джексон.— И мы хотели бы прежде всего выразить свое глубокое удовлетворение тем, что этот замечательный человек принадлежит к нашей партии.

Генри пришлось перенести немало лишений — преодолеть расовый барьер и классовое угнетение... Когда он находился в расцвете сил, буржуазия нанесла ему страшный удар. Он был брошен в тюрьму в штате Индиана, где потерял зрение.

Мы помним слова Уинни, первые слова, произнесенные после выхода из тюрьмы, слова, обошедшие весь мир: «Они лишили меня зрения физического, но политически я вижу прекрасно».

— Когда вы впервые встречаетесь с Генри,— говорит Ричард Диксон,— у вас такое ощущение — оно возникает почти сразу,— словно вы знали его всю жизнь. Генри тоже знакомо это: каждый, кто борется против империализма,— его друг. Он знает звериную сущность уходящего класса, но он знает также великую силу пролетарской солидарности.

В день рождения Генри Уинстона.

И, думая о Генри, друзья вспоминали Фредерика Дугласа и богатую событиями историю негритянского движения. Разве Генри не наследник лучших традиций культуры, гуманизма негритянского народа Америки? Он железный человек, да, но железо и сталь холодны, а у него врожденная сердечность, и именно она располагает к нему, превращает новых друзей в старых...

Потом медленно, раздельно и тихо заговорил Викторио Кодовилья, один из старейших деятелей коммунистического и рабочего движения Латинской Америки:

— Аргентина далеко от США. Есть различия в языке. Но они не могли помешать нашей дружбе с Компартией США. Когда я впервые познакомился с Генри, я понял, что передо мной не только герой американского рабочего класса, но видная фигура в международном коммунистическом движении. Здесь сидят друг против друга два железных человека, представляющих север и юг нашего континента,—Хесус Фариа и Генри Уинстон. Оба прошли через тюрьмы с высоко поднятой головой.

Генри протягивает руки к Фариа. В его голосе волнение, и в глазах сверкают слезы. Хесус подходит к Генри, они обнимаются. И, положив руку на плечо Генри, Фариа говорит:

— Компаньерос, я хотел бы выразить свое восхищение подвигом Генри. Мы знаем о трудностях, которые приходится преодолевать американским коммунистам. Но мы также знаем, что их не сломить.

Взволнованное одобрение сопровождало речь Хесуса.

Родней Арисменди, руководитель коммунистов Уругвая, словно размышляет вслух:

— Я только что видел братские объятия Хесуса Фариа и Генри, и я думаю о могуществе рабочего класса. Оба они прошли через тюрьмы, через тяжелые испытания. Коммунистическое движение непобедимо, раз в его рядах такие герои, такие люди. Здесь говорили о силе характера, о мужестве. Я бы хотел сказать о духовной силе наших товарищей. Их идейном мужестве. Идейной стойкости. Спасибо вам, товарищи Генри и Хесус, за то, что вы всей своей жизнью и борьбой доказываете величие наших идей.

Поздравили товарища Генри и советские друзья, говорили о воле, о стойкости, которые Уинстон проявил в тюрьме и которые внушали страх и уважение даже тюремщикам, о Генри как талантливом организаторе, блестящем ораторе и публицисте.

Американский рабочий класс, негритянский народ. Компартия США могут гордиться тем, что из их рядов вышел этот выдающийся деятель международного коммунистического движения. В летописи прогрессивной американской мысли его имя стоит рядом с именем Джона Рида, Чарльза Рутенберга, Уильяма Фостера, Элизабет Герли Флинн, Юджина Денниса, Бенджамина Девиса, Гэса Холла.

— Мы должны помнить о том,— говорит Генри,— мы должны помнить, что именно Советский Союз, его Коммунистическая партия спасли человечество. Защитили не только себя, защитили социализм, мировое коммунистическое движение. Именно благодаря той решающей победе над фашизмом, которая была одержана Советским Союзом, люди, страны, народы добились свободы и были созданы те силы, которые сегодня смело бросают вызов американскому империализму. Народы в долгу перед Советским Союзом. И я слушаю сегодня добрые слова обо мне, о моей работе и отношу их полностью на счет моей партии. Думая о том, что говорили сегодня, я спрашиваю себя, сможем ли мы когда-нибудь в полной мере оценить то, что сделано Советским Союзом.

Во время второй мировой войны, когда Советский Союз истекал кровью, таким людям, как я, мешали взять в руки оружие, чтобы воевать с фашизмом.

Со смешанным чувством горечи и боли Генри Уинстон вспоминает о том, как пытались негров-коммунистов сбить с толку, обмануть, выбить из их рук оружие. На их пути вставали разного рода препятствия. Генри мечтал оказаться на поле боя, но очутился в тыловом лагере. Он вырвался из лагеря, требуя, чтобы его отправили в действующую армию...

Он вспоминает 30-е годы. Кризис.

— Меня выбросили из школы. В семье все без работы. Я ищу хоть какую-нибудь работу. В доме у нас, как раньше говорили в России, хоть шаром покати. Но тогда уже действовала наша компартия. В штате Техас сожгли негра. Губернатор сказал: лучше сжечь дом, чем всю деревню. В Оклахоме линчевали негра, обвиненного в преступлении, которого он никогда не совершал. А вокруг голод, и повсюду одни и те же слова: «нет работы», «нет хлеба»... И вот тогда я услышал другие слова — «единство негров и белых». Их сказала компартия. Тогда я впервые услышал и о Советском Союзе, узнал, как решен национальный вопрос в Советском Союзе. Все, что приходило к нам из Москвы — советские фильмы, книги,— все это оказало на нас огромное воздействие. Вот чем мы обязаны Советскому Союзу, КПСС, с которой мы связаны дружбой навсегда.

Таким был этот вечер, когда друзья отмечали 55-летие Генри Уинстона, Уинни, как зовут его в партии.

— Счастливый вечер,— сказал Родней Арисменди, обнимая Генри.

А Хесус Фариа преподнес Генри в подарок ручку, которой писал в тюрьме книгу о том, как он, нефтяник с озера Маракайбо, стал сенатором Венесуэлы.

— Это недорогая ручка,— сказал Хесус Фариа.— Но я был бы рад, если бы ты вручил ее молодому коммунисту как символ нашей дружбы.

— У нас есть такой парень. И — по секрету, Хесус,— у нас много таких... У тебя только одна такая ручка?

Он заразительно смеется.

МОЯ МЕЧТА

Уважаемый господин редактор!

Я впервые пишу Вам, но мне очень хотелось выразить свое восхищение фотографиями и описанием свадьбы в Ардоне, которые были взяты из «Огонька» и опубликованы в последнем номере газеты «Санди-таймс»! Я даже нашла это место, где происходила свадьба. Это такое радостное событие! И как чудесные русские умеют быть счастливы, и они действительно счастливы!

Я мечтаю посетить Вашу прекрасную страну, как только накоплю денег для поездки. Друзья, которые побывали в России, считают, что если однажды вы посетили Россию и другие советские республики, то вас уже никогда не потянет больше в другие места, так как это совершенно изумительная страна! И все утверждают, что советские люди чрезвычайно дружелюбны!

Сама я не принадлежу к какой-либо политической партии, и я сужу о партиях только по их деятельности. На меня не оказывает влияния антикоммунистическая пропаганда или какая-либо другая. В конце концов русские и другие народы Советского Союза счастливы при своем коммунистическом правительстве с 1917 года!

Мое особое восхищение вызывает то уважение, с которым относятся к престарелым людям в России. К сожалению, такой заботы о стариках нет в Великобритании. Количество стариков, которые вынуждены искать пристанища в общественных приютах, просто позорно! В конце концов все мы однажды постареем. И поэтому мы, более молодые люди, должны заботиться о стариках, но, к сожалению, чаще всего эту обязанность передают государственным властям, ведающим вопросами здравоохранения. В этом отношении я не испытываю чувства вины, так как главой моей маленькой семьи является мать моего умершего отца, русская женщина по имени Катя. Ей 95 лет! Она крепкая и бодрая женщина, прекрасно говорит по-английски без какого-либо акцента. Она не эмигрантка. Родители Кати уехали из России в 1882 году и обосновались в Калифорнии. Там Катя встретилась с моим дедушкой.

Катя очень не любит, когда ее называют бабушкой, так как она утверждает, что это ей напоминает ее возраст. Все знакомые в округе зовут ее Катя. Ее полное девичье имя — Екатерина Александровна Воронова. Катя обожает цветы и много времени посвящает уходу за ними. У нас есть теплица и сад, летом в саду много цветов, но и зимой благодаря Кате мы всегда имеем цветы в нашей теплице, которую она содержит в образцовом порядке.

Искренне ваша

Элеонора Линдсей.

Англия.

К. Белокур. ЦВЕТЫ ЗА ПЛЕТНЕМ.

К. Белокур. ЗАВТРАК.

НА ЧЕРКАССКОЙ ЗЕМЛЕ.

Олесь ГОНЧАР

Чаровница

Знойный июнь, тающее полтавское небо над полями, марево, плывущее вдали, и среди марева, среди моря разлившихся хлебов хуторок, нет, пожалуй, не хуторок — целое село, окутанное садами. В удивительной гармонии с этой роскошной природой, оно будто обласканное синевой неба, повитое золотой пылью цветущих хлебов...

— Это она и есть, Богдановка.

— Какая Богдановка?

— Родное село этой чаровницы... Катерины Белокур!

Да, здесь, среди этих просторов, среди этой щедрой природы, прошла ее жизнь. На этих полях она трудилась. На клубной сцене Богдановки односельчане видели Катерину среди ее подруг — участниц художественной самодеятельности. Из этого села ушла в большой мир ее необыкновенная живопись, полная поэзии, радости и почти фантастической красоты. Сначала ее работы увидела Полтава, потом Киев, Москва, потом они красовались на международных выставках...

Дочь Украины, народный художник республики, эта колхозница из Богдановки даже знатоков, самых взыскательных ценителей поразила своими поющими красками, яркой поэтичностью своих произведений. Она как бы рассказывала миру, сколь одарен ее народ, сколь глубоко развито в нем эстетическое чувство, как духовно богата и восприимчива к прекрасному душа советского человека-труженика, дарования которого так щедро раскрываются в условиях социалистического строя.

Украина издавна славится народным искусством. Девичий наряд, и казацкая люлька, топорик гуцула, и спинка саней, и обыкновенный оконный наличник — любой из окружающих предметов под рукой неизвестного художника или художницы мог превратиться в предмет искусства.

Человек окружал себя красотой, ему извека свойственна жажда творить.

Крестьянка, побелив хату, на этом не останавливалась, она украшала ее настенной живописью, своеобразными фресками, которые продержатся до следующей побелки, затем хозяйка возьмется за кисть и нарисует новые. Так возникла знаменитая на Украине петриковская роспись, целая художественная школа со своим стилем, с только ей присущими формами орнамента, ажурностью линий, светлым колоритом и яркостью красок, будто вобравшими солнечность, воздух и простор степной Украины.

Складывались школы, появлялись целые гроздья талантов, из поколения в поколение передавались знания и умение, излюбленные приемы и художественный вкус. До сих пор вызывают восхищение неповторимые художественные изделия старого Межгорья, расцветают и в наши дни, словно обновляясь, гуцульская резьба и тонкое искусство решетиловских вышивальщиц, радуют глаз кролевецкие ткани и рушники Подолии и декоративная керамика знаменитой Опошни, этих «украинских Афин».

Из этой стихии явилось искусство Катерины Белокур, так же как и чудесное искусство Татьяны Паты, Ганны Собачко, Марии Примаченко (удостоенной в нынешнем году Шевченковской премии) и других мастеров украинского народного творчества.

Катерина Белокур, детство которой было нелегким (родилась она в 1900 году), не имела возможности получить профессиональное образование, была она самоучкой, в напряженных поисках открывала тайны техники живописи, тайны мастерства.

Редкостным было ее дарование, обладала эта женщина исключительно развитым чувством красоты жизни. Влюбленными глазами истинного художника всматривалась она в мир родной природы и, не копируя ее натуралистически, в подлинном творческом упоении передавала на холсте и золото могучих колосьев и буйство цветущих пивоний, георгин, крученых панычей, и все это переплелось, все это сливается в единую музыку жизни, и все это окутано каким-то синим сумраком, сказочной таинственностью.

В вольном полете фантазии эта чаровница видела свой, особенный мир, ее цветы и реальны и в то же время они будто выхвачены из сказки, будто они из тех колдовских цветов, что девушки мечтают найти в ночь на Ивана Купалу...

Только врожденное чувство большого художника могло подсказать ей и эту поющую гамму цветов, и чувство ритма, и красоту композиции.

Зная цену человеческому труду, она радуется овощам и плодам, с трепетным чувством воспевает хлеб, передает поэзию плодородия. Свежесть утренней росинки, и нежные переливы неба, и простое, доброе человеческое лицо («Колхозница Надя») — все в ней вызывало творческий подъем, все было подвластно ее кисти.

С огромным успехом прошла в 1941 году в Полтаве первая индивидуальная выставка работ Катерины Белокур. Потом война. Все произведения Белокур, экспонировавшиеся на выставке, погибли вместе с полтавским музеем.

В 1944 году, в год разрухи, когда вся Украина, истерзанная фашистами, еще лежала в черных руинах, Катерина Белокур, вместе со всем народом радуясь освобождению, создает «Буйную», одно из самых сильных своих произведений, которое звучит как гимн жизни и красоте, а в 1947 году создает свой шедевр «Царь-колос». Умерла она в 1961 году.

Произведения Катерины Белокур навсегда вошли в золотой фонд украинской советской культуры, а лучшие из них, смело можно сказать, обогатили и сокровищницу мирового искусства.

Интервью «Огонька»

ПРЕМЬЕРЫ ВЕСНЫ

Если склеить в одну все выпущенные в эти дни весны афиши, длина ее будет, наверное, близка к километру. А ведь в праздничную афишу театры обычно включают только лучшие свои спектакли.

Мы решили связаться с театрами разных республик и городов и пока хотя бы по телефону узнать об этих спектаклях. Но в километровой афише не так-то просто наметить избранника.

Город Горький. Среди премьер — «Фома Гордеев». Но это не инсценировка романа Максима Горького. Театр оперы и балета показал новую оперу композитора А. Касьянова, написанную по мотивам романа. Автор музыки тоже горьковчанин.

Звоним председателю горьковского отделения Союза композиторов А. НЕСТЕРОВУ.

— Опера Касьянова романтическая,— рассказывает он нам.— Бунт молодого характера, стремление вырваться из пут купеческой среды, одиночество, протест и беспомощность Фомы — все это показано в опере очень ярко. Это третья опера Касьянова. Немало создано им интересных хоровых и камерных вокальных произведений.

Произведения Чингиза Айтматова встречаются не раз на афишах многих городов. Со спектаклем «Материнское поле» сейчас рядом встает «Тополек мой в красной косынке» — инсценировка одной из повестей в сборнике, за который писатель был отмечен Ленинской премией. Вот что рассказывает о спектакле К. СУРМАВА, поставивший его в Тбилиси, в театре имени Грибоедова:

— Почему мы выбрали именно эту пьесу? Понравилась мысль: человек, неспособный вовремя отличить первостепенное от пустяков, мелочей, может потерять счастье. Это повесть о потерянном и невозвратимом счастье, о современных людях, их взаимоотношениях, чувствах.

Премьера уже прошла. Спектакль получился поэтичный, современный, призывающий бережно относиться к любви и сохранять это чувство в себе надолго.

Киргизский театр оперы и балета привлекла антифашистская повесть чешского писателя Отченашека «Ромео, Джульетта и тьма». Известный советский композитор Кирилл Молчанов написал одноименную оперу.

Мы попросили главного дирижера ВАЛЕРИЯ РУТТЕРА рассказать об этой работе.

— Новую оперу Молчанова наш театр поставил первым. Нас привлекла отличная музыка, волнующий гуманизм сюжета. Ведь опера о том, как во время фашистской оккупации полюбили друг друга двое молодых людей разных национальностей и для спасения любимого жертвовали своей жизнью. Премьера эта закономерна в нашем репертуаре: театр усиленно ищет современные темы. В ноябре 1965 года у нас состоялось также первое представление оперы А. Холминова «Оптимистическая трагедия». Большое место, конечно, занимают национальные произведения, например, «Сердце матери»,— о жизни Киргизии в годы Отечественной войны, «Олджобай и Кишимджан» — лирическая опера на сюжет народного сказания о киргизских Ромео и Джульетте.

...Любимец львовского зрителя народный артист Д. Козачковский в эти дни выступает в пьесе Г. Мдивани «Михаил Ермаков» («Твой дядя Миша»). Когда мы позвонили в Театр имени Заньковецкой, спектакль передавался по республиканскому телевидению, актеры уже были на студии, мы застали спешащего туда постановщика спектакля А. РИПКО.

— Зрители очень полюбили героев, а нам дорога идея автора о преемственности, о передаче традиций. Молодежь должна знать и не забывать о тех суровых днях, когда отцы и деды завоевывали власть. Наряду с этой пьесой мы показываем премьеру «Шторм» Б. Билль-Белоцерковского и пьесы украинских драматургов — «Веселку» Н. Зарудного, «Страницы дневника» А. Корнейчука...

А Днепропетровский русский драматический театр считает своим основным спектаклем сезона «Платона Кречета» А. Корнейчука.

— Правда, премьера его состоялась еще в конце февраля,— говорит главный режиссер театра С. ВАЗЛИН.— Но всегда зал переполнен. Сейчас у нас очень горячие дни. Играем зачастую днем и вечером: мы считаем своей прямой обязанностью не забывать о воспитании нашего юного зрителя. Недавно выезжали в Киев, играли в Театре имени И. Франко и по телевидению «Зыковых» — спектакль, который отмечен на республиканском смотре.

...Революционным годам, тем, кто вел народ к свободе, посвящает свои спектакли Таджикский академический театр драмы имени А. Лахути.

Главный режиссер театра Ф. АЛЕКСАНДРИН рассказывает:

— Зрители познакомились у нас со сценическими образами Владимира Ильича Ленина, Надежды Константиновны Крупской, с соратниками Ленина — Фрунзе, Куйбышевым, Дзержинским, Орджоникидзе... Мы показывали «Кремлевские куранты» и «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Хурриат» («Пламя свободы») Гани Абдулло. Эту пьесу мы поставили еще к 40-летию республики. Спектакль рассказывает молодежи и напоминает старшему поколению о годах становления республики, о пути национальной интеллигенции к революции, к коммунизму.

В нашей афише немало спектаклей и о современной жизни республики. Праздничная премьера — «Семья». О Ленине.

Город Горький. «Фома Гордеев». Фома — И. Беренов. Саша — А. Бородаева.
Фото А. Красова.

Днепропетровск. «Зыковы». Софья — В. Отвага. Антипа — В. Мишаков.
Фото П. Шимажного.

Первомай взметнулся над страной алой зарей знамен, нежной кипенью первых весенних цветов, четким маршем транспарантов и лозунгов.

Миллионы демонстрантов на улицах городов и поселков. Миллионы праздничных подарков стране. Миллионы послесъездовских дел. Миллионы улыбок. Миллионы рапортов. И миллионы мыслей о будущем, о том, что еще предстоит сделать. Наши планы, записанные в решениях съезда, громадные и волнующие.

Первомай... В России у него своя история. Она началась ровно 75 лет назад первой маевкой петербургских рабочих. Вспомним сегодня о них.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПЕРВОМАЙ

К. ЧЕРЕВКОВ

Их было сто или сто пятьдесят, не больше. Пробирались они на глухую окраину Петербурга осторожно, небольшими группами. Одеты по-праздничному, в руках корзинки, свертки с провизией, будто собрались на воскресную загородную прогулку. На самом же деле все обстояло иначе, все было продумано.

В густом лесу выбрали удобное место: с разных сторон стекались сюда узенькие лесные тропы, раскидистые деревья сбегали к самому взморью. Егор Климанов (Афанасьев) и Михаил Бруснев заранее выбрали эту поляну. Прикинули: подходит. Проверили, далеко ли слышны голоса. Разработали точный план — кому и как сюда добираться, чтобы не вызвать подозрений: василеостровцам — на лодках по заливу, рабочим Невской заставы — полем, выборжцам — идти мимо деревни Емельяновки.

Солнце карабкалось выше и выше. Лес оживал, наполнялся голосами. Люди шли и шли. Патрули указывали направление к поляне. Вот шагает рабочий Балтийского завода Иван Егоров — превосходный оратор, он слыл среди рабочих знатоком Карла Маркса. Питерский ткач Федор Афанасьев привел с собой брата.

Смех, казалось не смолкал ни на минуту там, где находился, как всегда, щегольски одетый путиловский литейщик Николай Иванов. Чуть поодаль тесным кольцом обступили студента Осипа Иванова: он показывал свои политические карикатуры.

...Полдень. На небольшом бугорке — первый оратор. Утих шум.

«Воздух был чист и свеж,— писал позднее путиловский историк М. Мительман.— Деревья тихо шелестели, и в момент, когда затихал голос оратора, казалось, поляна пуста и безмолвна. Каждое слово проникало в душу, и люди, широко раскрыв глаза, в первый раз слушали проникновенные слова в такой необычной обстановке. Слова становились какими-то особенно значительными... пророческими...»

На лесной поляне питерские рабочие произнесли четыре речи, о которых вскоре узнали многие. В Женеве в 1892 году на русском языке вышла маленькая брошюра. В отделе Вольной печати Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина мне показали библиографическую редкость — тоненькую книжечку размером чуть больше вчетверо сложенного писчего листа.

На обложке крупно набрано: «Рабочая библиотека. Выпуск шестой. Первое мая 1891 года. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге...» В примечании сказано, что на издание ее получено «от па-

Дом, где родился Карл Маркс.

5 мая 1818 года родился Карл Маркс.

В ДРЕВНЕМ ТРИРЕ

Едва ли не у половины моих одноклассников война отняла отцов.

Война научила нас насмерть ненавидеть германский фашизм. Однако ненависть не была ни слепой, ни безрассудной — она не переходила на немецкую землю, на немецкую культуру. И Рейн по-прежнему связывался у нас, ярославских мальчишек и их старой учительницы, с легендой о Лорелее.

Спустя два десятка лет мне довелось отправиться в путешествие к Лорелее, точнее, к скале, на вершине которой, по преданию, когда-то сидела златокудрая красавица. В тот день стояла великолепная погода, и наш прогулочный катер, отваливший от причалов Кобленца, шутя боролся с быстрым течением реки. Как в декорациях к старинной саге, стояли по берегам замшелые средневековые замки и тянулись крепостные стены.

И все же я испытывал какое-то разочарование. Ветерок безжалостного времени сдул с Рейна туман романтики. Лорелею прогнали со скалы гудки теплоходов и буксиров. Даже тут, в узкой пятидесятиметровой стремнине, послушные лоцманской руке суда проходят без задержки. Им не до легенд и сказок. Они спешат. Они работяги, и сходство барж с несущимися автопоездами дополняет сама река: коричнево-серая, с нефтяными пятнами, она очень напоминает обычное загруженное шоссе.

Трир — стольный город винодельческого Мозеля. Он стоит на вине в самом буквальном смысле слова. Миллионы литров доброго мозельского покоятся в бесчисленных подвалах.

Полицейский, узнав в нас иностранцев, предупредительно одарил планом Трира и показал, где находится башня Порто Нигра. Стоило въехать в старую часть города, как я уже не мог отделаться от мысли, что попал в миниатюрный Рим.

Но для нас Трир — это не только античные руины. Тут родился и вырос Карл Маркс.

Недлинная и узкая — детище средневековья — улочка Брюккенштрассе. Под номером 10 на ней стоит двухэтажный чистенький дом. Крошечный внутренний двор, вымощенный каменными плитами. Между двумя окнами первого этажа примостилась скромная, совсем незаметная издали мемориальная доска с барельефом Маркса.

Музей родоначальника научного социализма основан давно. Но в 1933 году его разгромили нацисты, а дом объявили конфискованным. Помещение было приспособлено для редакции крикливого фашистского листка. В военные годы здание пострадало от бомбежек.

Когда дом был восстановлен, трирские социал-демократы решили, что для музея Маркса достаточно трех комнат второго этажа и коридора. Первый этаж занят городским правлением СДПГ.

рижского фонда Рабочей литературы 65 франков».

Бегло листаю поблекшие страницы. Вот и знаменитые речи. Все четыре опубликованы полностью. Но имена ораторов, видимо, по конспиративным соображениям не названы. Речи даны под номерами: «Речь 1-я», «Речь 2-я»... Кто же и какую из них произнес?

В фондах Публичной библиотеки, Музее Великой Октябрьской социалистической революции, по крупицам, перелистывая и сличая разные издания, собираю отрывочные сведения, узнаю имена, псевдонимы, профессии. Федор Афанасьевич Афанасьев — ткач, Николай Дементьевич Богданов — железнодорожник, Егор Афанасьевич Климанов (Афанасьев) — кузнец, Владимир Илларионович Прошин — рабочий-резинщик. Все они тесно связаны с нелегальными кружками, которые организовал студент Михаил Бруснев.

...Расходились с маевки в приподнятом настроении. Кто-то затянул «Дубинушку», и ее подхватили все. На одном из деревьев прикрепили щит: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Студент Святловский вырезал на коре ствола дату собрания.

Как сложилась судьба ораторов первой российской маевки? Их преследовали, подвергали арестам, ссылкам. Федор Афанасьев, например, после высылки из Петербурга развил кипучую революционную деятельность среди рабочих Иваново-Вознесенска. «Отец», как звали его подпольщики, возглавлял нелегальную большевистскую организацию, руководил стачкой ткачей в 1905 году, создавал Советы рабочих депутатов. На левом берегу реки Талки, где тогда в лесу бурлили рабочие сходки, собирались вожаки рабочего движения, стоит четырехгранный обелиск. На одной из его граней высечено, что во время погрома в 1905 году черносотенцы убили руководителя партийной организации Федора Афанасьевича Афанасьева.

Никто из четырех не дожил до наших дней, но их страстные, пламенные речи бессмертны.

Прошло 75 лет. В Ленинграде давно уже нет того леса, нет и той поляны. Новые кварталы высоких домов, улицы и площади раскинулись здесь. У самого взморья раздаются гудки океанских лайнеров, сбегающих со стапелей в залив. Обелиск из розового гранита, воздвигнутый восемь лет назад, напоминает молодым о том солнечном дне, когда в этом, тогда безлюдном месте четверо рабочих произнесли свои пламенные, набатные речи на первой в России маевке.

Ф. А. АФАНАСЬЕВ:

— СВОБОДУ СЛОВА И СВОБОДУ ПЕЧАТИ...
— СВОБОДУ СХОДОК И ОРГАНИЗАЦИЯ...
— БЕСПЛАТНОЕ ШИРОКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ НАРОДА.

Н. Д. БОГДАНОВ:

— ТОЛЬКО СЕГОДНЯ, В ПЕРВЫЙ РАЗ, НАМ ПРИШЛОСЬ СОБРАТЬСЯ СО ВСЕХ КОНЦОВ ПЕТЕРБУРГА НА ЭТО СКРОМНОЕ СОБРАНИЕ И В ПЕРВЫЙ РАЗ СЛЫШАТЬ ОТ ТОВАРИЩЕЙ РАБОЧИХ ГОРЯЧЕЕ СЛОВО, ПРИЗЫВАЮЩЕЕ НА БОРЬБУ С НАШИМИ СИЛЬНЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ВРАГАМИ...

Е. А. КЛИМАНОВ (АФАНАСЬЕВ):

— БУДЕМТЕ УЧИТЬСЯ, ОБЪЕДИНЯТЬСЯ САМИ И, ТОВАРИЩИ, БУДЕМТЕ ОРГАНИЗОВЫВАТЬСЯ В СИЛЬНУЮ ПАРТИЮ! БУДЕМТЕ, БРАТЬЯ, СЕЯТЬ ЭТО ВЕЛИКОЕ СЕМЯ С ВОСХОДА И ДО ЗАКАТА СОЛНЦА ВО ВСЕХ УГОЛКАХ НАШЕЙ РУССКОЙ ЗЕМЛИ!

В. И. ПРОШИН:

— ТАК БУДЕМ ЖЕ, ТОВАРИЩИ, РАЗВИВАЯ И ПОДДЕРЖИВАЯ ДРУГ ДРУГА, ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ С СУЩЕСТВУЮЩИМ ЗЛОМ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СВОБОДЫ, ИСТИНЫ И БРАТСТВА.

Правление почему-то пустовало в тот день. У дверей нас встретила фрау Хельзен, миловидная женщина средних лет, супруга одного из функционеров трирских социал-демократов. Она извинилась за мужа — его вызвали на прием к бургомистру. Госпожа Хельзен любезно предложила быть нашим гидом. Мы услышали довольно бойкие, без запинки объяснения. Фрау Хельзен даже пыталась разбавить их шуткой. Нам был показан курьезный документ: протокол боннской полиции о наложении штрафа на студента Маркса за пение на улицах города.

Наш гид довольно быстро закончила обзор всех трех комнат. Мы обратили внимание, что на стендах всюду были фотокопии документов. А где же подлинники?

— Оригиналы, — сказала Хельзен,— находятся в другом музее. Там мы и сняли копии... Зато посмотрите,— добавила она с милой непосредственностью,— у нашего музея есть неплохой бюст Карла Маркса!

Бронзовый бюст, стоявший у окна, и в самом деле был выполнен с большим чувством и мастерством. Оказалось, что его изваял в 1963 году житель Трира Клаус Фер.

— А почему бы трирскому музею не обратиться за помощью, за документами к коллегам в Советском Союзе, в Германской Демократической Республике? — продолжали мы расспросы.

— Видите ли, к Советскому Союзу мы еще не обращались с подобной просьбой. К Восточной Германии трирские социал-демократы обращаться не станут...

Вот тебе и на!

В последней комнате гид одарила нас сувенирами. То были открытки с изображением музея, выпущенные трирским правлением социал-демократической партии. Одна, 1947 года, была напечатана на грубой, желтоватого цвета бумаге. Подпись гласила: «Дом, где родился основатель научного социализма Карл Маркс». Вторая, изданная в 1964 году и отпечатанная на прекрасной бумаге и витиеватыми шрифтами, была подписана так: «Дом, где родился Карл Маркс».

Может быть, трирский социал-демократический функционер, подписывавший к печати открытку 1964 года, и не заметил выпавших слов. Но это разночтение таит в себе большой смысл. Современная социал-демократия окончательно стала на службу буржуазии, изменив рабочему классу, изменив идеям социализма. В свое время Маркс резко критиковал Готскую программу. Что бы он сказал о бад-годесбергской программе, принятой несколько лет назад? Об этом детище нынешних вождей социал-демократии даже не острый на язык канцлер Людвиг Эрхард сказал, пригвоздив его к позорному столбу: «Эта программа СДПГ является мешаниной эрхардизма и этатизма. Все, что в ней есть хорошего, исходит от меня...»

Разглагольствуя о демократии, СДПГ внесла свою лепту в позорное дело запрета Компартии Германии. Проливая слезы над бедной разделенной Германией, она способствовала созданию милитаристского государства на Рейне. Заявляя о своем желании мира, она поддерживает ядерное вооружение бундесвера. Такой предстает сегодня социал-демократическая партия в Западной Германии.

Может ли эта партия считать Карла Маркса своим духовным отцом, своим идеологом? Конечно, нет!.. Идеи Маркса торжествуют сегодня в другой Германии — в первом немецком государстве рабочих и крестьян. Придет время, и они восторжествуют повсюду.

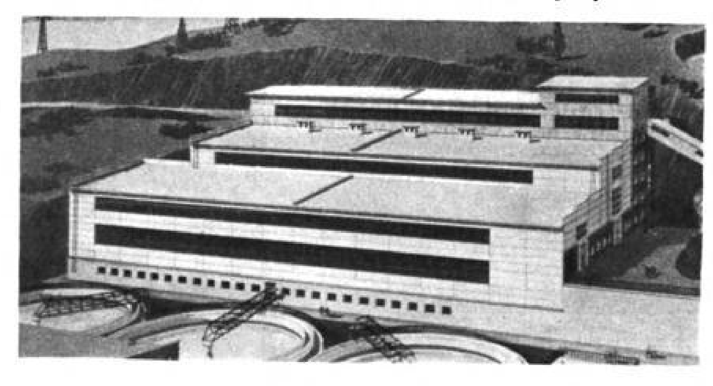
Игорь **МЕЛЬНИКОВ**

Мемориальная открытка, выпущенная в 1947 году.

Урупский старожил Николай Терехов.

Таким будет главный корпус обогатительной фабрики.

«...закончить строительство Урупского и Гайского горно-обогатительных комбинатов».

Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

МАРШРУТ УКАЗАН ПЯТИЛЕТКОЙ

МЕДЬ НА ЛАДОНИ

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

На моей ладони — тяжелый золотистый камень, перечеркнутый серебряной полосой. На Урупе, откуда я его привез, мне показывали и другие такие же камни. Они удивительно красивы, так и просятся в руки ювелира. Но им уготована иная судьба: стать металлом. Камни эти — руда.

...Медь на Урупе находили давно, еще до революции; на нее частенько наталкивались старатели, промышлявшие в горах. В послевоенные годы сюда пришли геологи, пробурили десятки скважин и сказали: можно начинать промышленную разработку.

И начали.

...Перед тем, как отправиться на строительство Урупского горно-обогатительного комбината, я попытался разыскать Уруп на большой карте Советского Союза. Искал и не нашел. Оказывается, эта точка пока еще не на всех картах обозначена. Но я подчеркиваю: пока.

Уже прослышали про Урупский горно-обогатительный комбинат в разных концах страны. Едут сюда люди молодые и на возрасте. Они сидят рядом со мной в маленьком автобусе, что с трудом одолевает подъемы, пробираясь по дорогам Карачаево-Черкессии к сверкающей стене Главного Кавказского хребта. Через несколько часов пути перед нами открывается панорама строительства и нарядного жилого городка. Но это лишь один из участков стройки — вся она протянулась на двадцать с лишним километров, уходя вдоль реки Уруп, в глубину ущелья, туда, где рудник...

— В городок розы привезли, говорят, хорошие кусты, привитые. Кому нужно, идите покупайте,— это было первое, что я услышал, сойдя с автобуса.

А потом встретил девчат в спецовках. Они несли на плечах молодые яблоньки и сокрушенно сетовали, что не достался им белый налив. Позже тех же девчат я увидел на субботнике — в поселке вокруг домов сажали деревья. Как всегда в таких случаях, под ногами у взрослых крутились ребятишки. Подражая большим, они пытались тяжелыми кирками долбить каменистую землю.

Вечера на Северном Кавказе коротки. Быстро стемнело. Покончив с работой, люди собрались у клуба. Билетами торговала по совместительству продавщица мороженого. Поклонники кино выстроились справа, любители пломбира — слева. На крыльце появился киномеханик и объявил:

— Сегодня последний день широкоэкранный «Гамлет»!

...Над поселком перемигивались яркие звезды, и черное небо плотно придавило к земле густую весеннюю сырость. А наутро звезды словно спрятались под землю, чтобы встретиться со мной снова,— во влажной темноте штреков они то тут, то там мерцали желтоватыми горняцкими лампочками.

С шахтой меня знакомил горный мастер Георгий Коротков, в недалеком прошлом балтиец, главстаршина с крейсера «Свердлов». Мы шагаем по штрекам, местами уже отделанным

фундаментально, облицованным бетоном, похожим на туннели метро. Тут идет настилка постоянных рельсовых путей. Но кое-где еще попадаются временные деревянные крепи — рудник строится.

По крутому наклонному ходу пробираемся на другой горизонт. Несколько раз стукаюсь головой о низкую кровлю.

— А ты не хотел каску надевать,— смеется Коротков,— набил бы шишек на макушке. Думаешь, мы в касках для фасону щеголяем?

Шипит воздух, ревут вентиляторы, а потом вдруг наваливается тишина, и слышны лишь наши шаги да голос моего спутника:

— Стройка, по существу, лишь сейчас начинает по-настоящему в рост подниматься. Теперь дело пойдет веселее. Пусковая стройка... В Директивах партийного съезда записана... Только успевай разворачиваться. А ведь прежде как рассуждали иные товарищи? Лежала, мол, эта руда миллионы лет, дожидалась, пока человеку понадобится. Что значит год-другой по сравнению с вечностью! А стране медь нужна сейчас до зарезу, так что пришла пора на календарь поглядывать...

Быстрее, быстрее, стране нужна медь! Об этом не раз услышишь на стройке. Вон столпились горняки вокруг девушки. Что-то оживленно обсуждают, о чем-то спорят. А тон задает эта девушка. Знакомимся. Начальник смены, инженер Лариса Кочиева.

— Сейчас у нас наладка идет. Рабочим все в новинку — они ведь вчерашние строители. Да и нам, инженерам, трудновато. Хоть бы проектировщики приехали, помогли. А они, как злостные алиментщики: дитя родилось — папаша в бегах. Вот и выкручиваемся. Наша фабрика как бы макет главной, что строится рядом. Мы должны отработать для нее всю технологию. Уже начали получать медный и пиритовый концентраты, а потом возьмемся за цинковый. Урупская руда богатая — чего только нет в ней, природа здесь много всего понапрятала... Главную фабрику пускать будет легче: и технологию отладим и люди наберутся опыта.

...На окнах ящички с землей. Рабочий бережно поправляет зеленые листочки.

— Цветы?

— Цветы. И редис. Девчата посадили. Через месяц угостим свежей редиской!

— А сами вы тут давно?

— Можно сказать, от нуля. В пятьдесят первом пришел с геологоразведкой, когда на Урупе всего несколько лачужек было — старатели золотишко по мелочам мыли. Был я в ту пору буровым мастером... Это теперь тут асфальт. А тогда дороги никакой не было. Все оборудование на себе тащили. Разведку закончили, за шахту принялись — там тоже работал, а стали пускать опытную — перешел сюда дробильщиком. Должность важная: с меня, можно сказать, и начинается обогатительный процесс. Многие из тех, кто сюда вначале прибыл, разъехались. И не сказать, чтобы условия плохие. Все-таки юг, горы кругом, в лесу дикие яблони, груши, ягоды разные — смородина, малина, черника. Не поленись, так в варенье купаться будешь. Весной цветы, летом форель в речках ловим, осенью грибов тьма-тьмущая, а зимой... Впрочем, зимы тут фактически нету. Охота знатная — дикие кабаны, медведи... В другом причина — стройку затянули. Говорят, в бывшем совнархозе специалистов настоящих по горному делу не было, никто нами по-настоящему не интересовался. У людей азарт пропал. А без азарта рабочему человеку какая жизнь? Строить так строить, а не строить, так лучше и не затевать. Вот и разъехались...

— Ну а вы-то почему не уехали? — спросил я Николая Терехова.

— По разным причинам. Во-первых, нравится мне здесь. Потом обжился, как говорят, корни пустил — обе дочки у меня на Урупе родились: одна в пятьдесят первом, другая двумя годами позже. Старшая, Нина, теперь вместе с женой в детских яслях работает, новых урупчан пестует. А главное, охота посмотреть, как все это получится. Да и верил, что в конце концов начнется настоящая работа. Помню, как прочитал проект Директив, так сразу друзьям сказал: «Братцы, Уруп до дела доведем!» А теперь и съезд утвердил Директивы. Значит, работа развернется в силу. И жизнь тут закипит. Поговаривают, что мимо нас пройдет дорога к морю — до Адлера напрямую около сотни километров. Будем на выходной ездить купаться на побережье. Плохо ли? И народ потянулся нынче к нам...

В просторном помещении рудника, именующемся раскомандировочной, встречаю своего соседа по гостинице — три дня назад приехал с семьей из Сибири.

— Пришел спецовку получать...

— Значит, уже устроились?

— А чего же волынку тянуть! Завтра выхожу на работу. И жена тоже оформилась тут же, на шахте, в медпункт, она ведь медик. Вечером перебираемся на квартиру, поживем пока на частной, а к осени обещают дать в новом доме.

В Карачаево-Черкесском обкоме партии мне показали письмо. Из Асбеста пишет Вениамин Щипачев: «Я горный мастер, стаж 18 лет. Как рядовой партии, хочу быть на передовой линии пятилетки. Желаю работать на строительстве Урупского горно-обогатительного комбината...»

Сколько людей, столько судеб, характеров.

Разговорился я на стройке с молодой женщиной. Попала она сюда по причинам сугубо личным: не захотела терпеть старые предрассудки, укоренившиеся в доме, куда завела ее девичья любовь. Бросила все, забрала сына. Уехала-то совсем недалеко, по сути дела, в соседнее ущелье. Как говорится, отгородилась горами от прошлого — и словно в другой век переселилась.

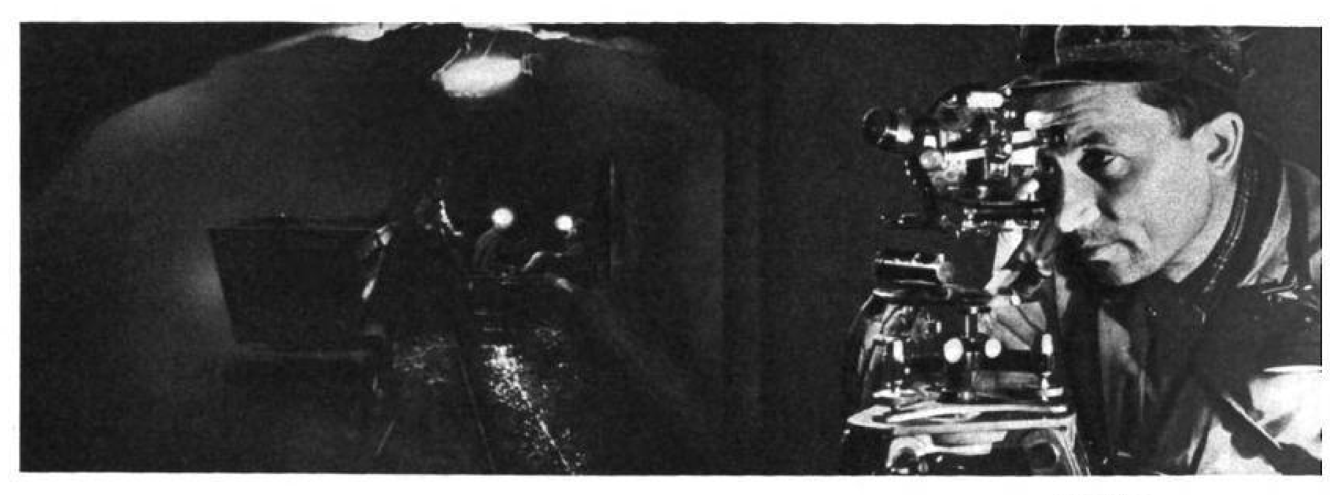
И припомнилось, что говорил мне парторг стройки Олег Сергеевич Версилов.

— Просим мы Министерство цветной металлургии и Госплан: дайте возможность строить комплексно — и промышленные объекты и бытовые. Добиваемся средств на Дворец культуры, стадион, ретранслятор. Никуда от этого не уйдешь. Стройка в горах, оторванность все-таки чувствуется, а ретранслятор сразу свяжет со всей страной. И музеи к нам приблизит и театры. Народ приезжает сюда разный. Отсюда и задача — сделать все для того, чтобы людям на стройке жилось хорошо... И еще проблема специалистов. Вот построим комбинат, а кому передавать его будем, кто станет технику осваивать? Область уже послала молодежь в технические вузы. А с техниками пока дело плохо. Свое горнотехническое училище нужно до зарезу. Сейчас далеко надо смотреть: ведь одна только наша обогатительная фабрика будет перерабатывать в год сотни тысяч тонн руды. А на очереди Худес — там идет разведка нового месторождения меди. Мы уже о медеплавильном заводе разговор ведем: разумней построить его у нас в области, чем возить концентрат за тридевять земель. Вот поэтому и думаем о том, как люди жить будут здесь. Чем местный житель веками занимался? Овец пас. А теперь первоклассная техника... Учитывать надо. Запросы другие...

И он вдруг завел разговор о розах, которые недавно привезли в городок. Руда и розы...

Ребята из Зеленчукского детдома приехали на экскурсию.

В забое.

Здесь встанет семидесятиметровая башня копра.

Снова дома.

ПРОСНУЛСЯ ЛЕС...

Весенней прохладой дышит лес. На березах — зеленые узоры ароматных листочков, осины просвечивают нежным золотом тугих почек.

Сядьте тихо на пенек среди березовой рощи и присмотритесь к окружающему. Вы увидите фиолетовое полноводье буйной хохлатки, голубоглазые пролески под старой лещиной, широкие чашечки сон-травы, которая тянется к солнцу.

По тонким веткам прыгают синички. А там, гляди, и рыжий хвост мелькнет между зелеными иглами одинокой сосны: это вышла на прогулку белка. Она уже начала менять свой серый, зимний мех на летний, рыжевато-бурый.

А что это? Тихая мелодия зазвучала у ваших ног. Присмотритесь внимательно, и вы заметите на веточке маленьких усатых музыкантов. Это древесные жуки-усачи. После зимней спячки они выбрались на солнце и вплетают в лесной оркестр свою песню, потирая надкрыльями брюшко.

Если вам посчастливится, вы встретите во влажном лесу черного аиста. В отличие от белого эта чрезвычайно редкая птица живет в глухих, безлюдных уголках Полесья. Сосредоточенно ходит черный аист по мелкой воде. Найдет ветку, наступит на нее ногой и потянет клювом: крепкая ли? Плохого строительного материала для гнезда черный аист не возьмет...

Весенний лес раскроет вам много своих секретов. А если возьмете фотоаппарат, то немало интересного сможете запечатлеть на память.

Л. МИХАЙЛОВСКИЙ,
учитель биологии

Житомир.

Фото автора.

Это синички.

Лимонница села отдохнуть.

Древесный жук-усач.

У черного аиста забот немало.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:

И чужие идеи интересны

Алексей проследовал мимо толпы болельщиков в плавках и купальниках, провожаемый — он это отметил с удовольствием — сочувственными и даже удивленными взглядами. Итак, испытание выдержано...

Он через силу улыбнулся Надежде Тропининой, спокойно встретил внимательный взгляд Нонны, — хоть бы сказала что-нибудь вроде: «Молодец, Алеша!» — ведь не каменный же он, порой и ему нужно одобрение, — кивнул ей и произнес самым обычным тоном:

— Я, пожалуй, пойду к Богатыреву...

— Хотите, я пойду с вами, Алеша?

— Думаю, что это не нужно. Профессор начнет хлопотать об угощении. Два посетителя — это уже гости, а один — деловая встреча.

Она смирилась, и Алексей прошел мимо.

На краю эспланады он оглянулся. По реке опять летел водяной бог, но это уже был не Тропинин, — и ростом повыше, и движения не столь отточены.

И верно, Тропинин, уже одетый, шел навстречу. Смуглое лицо его побледнело.

— Простите, Алексей Фаддеевич, — сказал он. — Боюсь, что шутка оказалась слишком жестокой. Но вы выиграли. Пойдемте в лабораторию.

— Я пойду к Богатыреву! — сухо ответил Алексей.

Тропинин отступил с узкой бетонной дорожки в сторону, и Алексей медленно пошел к коттеджам приречной улицы.

Внезапно ему подумалось: «Это не было шуткой! Это было предупреждением! Вот так придется держаться долго, очень долго, может быть, всю жизнь. Всегда быть готовым к любым неожиданностям, рисковать всем: положением, работой, надеждами...» И понял: в любой борьбе он не отступит!

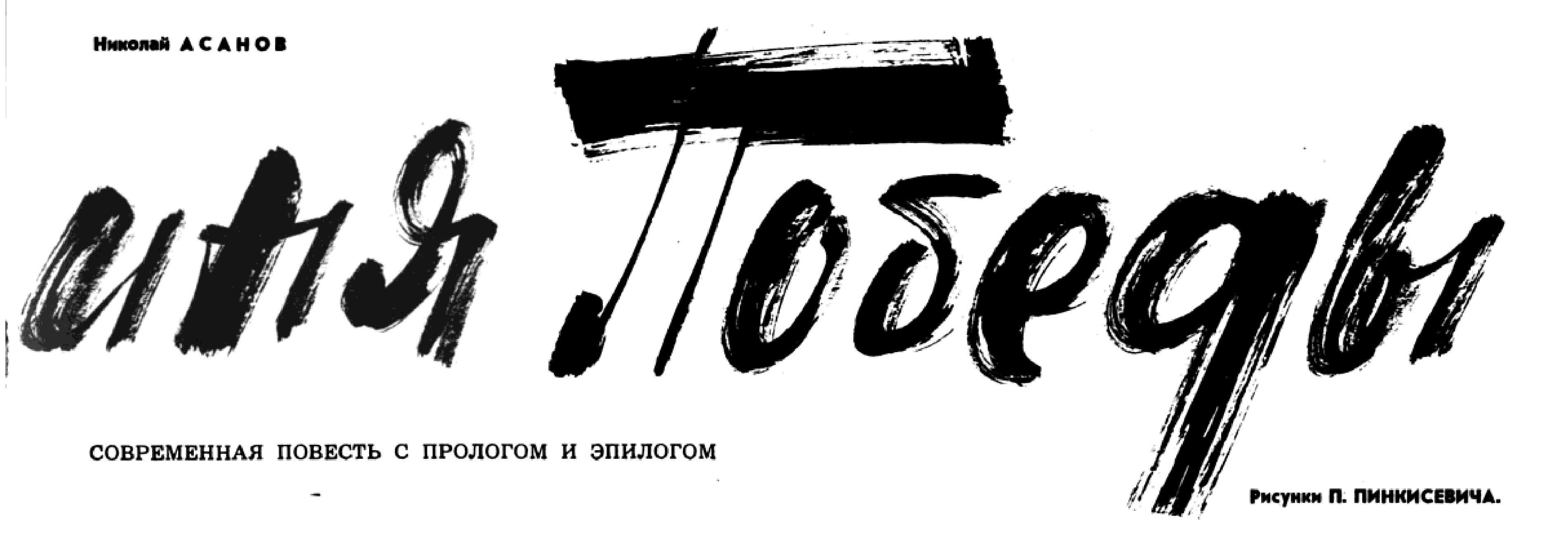
Алексей шел и все время как бы проверял себя: а выдержит ли эту навязываемую борьбу? И постепенно в нем вырастала маленькая гордость, что он не отказался сегодня от навязанного ему состязания. Ведь ему было легче бросить трос и плюхнуться в воду, а он стоял и стоял, хотя все мышцы болели и по сердцу хлестал страх. И спор с Тропининым не был шуткой. Просто Алексею захотелось проверить себя: а настоящий ли он человек? Никто этого, конечно, не понял, приняли за глупое мальчишество...

Впрочем, нет, кое-кто понял! Понял тот же Тропинин, и поняли молчаливые люди,

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 10—17.

Николай АСАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

которые до этого готовы были кричать Тропинину: «Распни его!» — а потом вдруг присмирели, проводили его сочувственными и доброжелательными взглядами, как будто прочитали за тем видимым, что произошло у них на глазах, то невидимое, что толкнуло Тропинина на его поступок.

И вдруг на какое-то мгновение Алексея охватила усталость. Что они с Чудаковым затеяли? Против кого они идут? Нужна ли их борьба?

И снова по нервам хлестнули гордость и злость. Эту борьбу они ведут не для себя. Немало молодых, талантливых ученых в разных областях науки совершают открытия и остаются неизвестными. А под их работами, выстраданными кровью, бессонницей, усталостью мозга и сердца, ставят подписи равнодушие и пустое чванство.

Он вздохнул полной грудью, словно очнулся от тяжелого, расслабляющего сна. Ну, нет! Если Тропинин собирался показать ему, как он слаб для такой борьбы, то добился он совсем другого! Конечно, не раз еще к Алексею придут такие минуты слабости, но теперь он знает цену этим минутам и цену победы...

И, внезапно повеселев, подошел к дому Богатырева, готовый к любым новым неудачам и в то же время уверенный, что будут у него и удачи.

Конечно, Богатырева дома не оказалось. А на лужайке у дома стояли две «Волги» с московскими номерами.

Домашняя работница, выглянувшая на звонок, сообщила, что профессор ушел гулять с гостями. Куда? К речке Дубне, как всегда...

Да, профессор был неизменен в своих привычках. Даже гулял поблизости от того места, где работал.

Алексей миновал здание отеля и пошел по дороге, ведущей к «объектам», как тут именовались служебные здания. Навстречу медленно тянулись возвращающиеся с прогулки,— время близилось к обеду. В сторону реки Дубны больше никто не шел.

Завидев стены «объекта», Алексей свернул к реке. И тут же заметил Богатырева.

Профессор шел, опустив голову, машинально помахивая собачьим поводком, а в сторонке шариком катилась и сама собачка — чудо природы, пушистый скотчтерьер,— быстро-быстро перебирая коротенькими лапками и все же еле перемещаясь в пространстве. Оглядевшись, Алексей заметил и гостей профессора: несколько женщин и мужчин шли в стороне, по лесной тропинке, не обращая внимания на хозяина. Видимо, им были знакомы привычки профессора. Он, наверно, забыл о них сразу же, как вышел из дому, точно так же, как забыл и о собаке. Сейчас он, должно быть, «обкатывал» в голове какую-нибудь идею. Они в этой большой лохматой голове рождались дюжинами.

— Здравствуйте, Павел Михайлович!

Профессор вздрогнул и остановился, словно шел во сне и наткнулся на препятствие.

— А, это вы? Как поживаете?

— Плохо, Павел Михайлович!

— Что так? — уже окончательно пробуждаясь от своего сна, спросил Богатырев.

— Приехал на один день посмотреть ваши материалы, а помочь никто не хочет.

— Так, так.— Теперь профессор разглядывал Алексея уже внимательно.— Но ведь конституцию, кажется, никто не отменял?

— При чем тут конституция? — Алексей опять начинал сердиться, как сердится всякий человек, сознавая, что позиция его слаба.

— А в ней точно указано, что трудящийся после шести дней работы имеет право отдохнуть один день. Помнится мне, что библия тоже подтверждает это право.

— Но я-то не отдыхаю! — упрямо сказал Алексей.

— Да, это верно. Свой день отдыха вы тратите на то, чтобы мешать отдыхать другим. А почему?

Алексей, тяжело вздохнув, вытащил из грудного кармана снимки-эталоны, на которых отчетливо были видны взрывы анти-ро-мезонов.

Профессор окинул взглядом придорожный лесок, увидел удобный пень и пристроился на нем. Алексей мельком заметил, что гости профессора, взглянув на хозяина, пошли еще медленнее.

Профессор просматривал снимки, возвращаясь то к одному, то к другому. Алексей понимал, что этому богу не следует мешать: он сам умеет творить чудеса. Но возбуждение было сильнее его воли. Он торопливо принялся объяснять:

— Это отделенные от других частиц анти-ро-мезоны... Вот аннигиляция... Время жизни...

— Подождите, подождите! — с досадой сказал профессор. Алексей умолк. Профессор пошлепал толстыми губами, спросил:

— Значит, вы все-таки выделили их? С какой частотой они появляются?

— Одно событие в десять минут.

— Не густо! И вы хотите выяснить, было ли подобное в наших опытах?

— Вот именно!

— Простите, голубчик, как ваша фамилия?

Алексей сердито назвался.

— Помню, помню! — ни капельки не смущаясь, ответил профессор, и Алексей еще больше рассердился: ведь они же встречаются чуть не ежемесячно! Пора бы запомнить имя молодого коллеги.

Профессор поднялся со своего пенька, как с председательского кресла, такое в нем было величие, и крикнул своим гостям неожиданно громким голосом:

— Жорж! Светлана! Возвращайтесь домой! И возьмите с собой собаку! Альфа! Поноску! — Собака подкатилась шариком, профессор дал ей поводок, и она послушно покатилась к гостям.— Я ненадолго задержусь! — продолжал распоряжаться профессор.— Домой я сейчас позвоню!

Отдав эти приказания, профессор кивнул Алексею и сказал:

— Ну, пошли, Алексей — «человек божий»!

Оказалось, он все-таки знал Алексея.

И пошел такой быстрой походкой, словно был моложе своего спутника.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:

Творчество не признает выходных

И в лаборатории этот пожилой грузный человек с печальными глазами поэта проявил необыкновенную деятельность. За пять минут он вызвал почти всех своих лаборантов, не пренебрегая самыми умильными посулами, ласкательными именами, нежными прозвищами. А так как лаборанты были преимущественно девушки, падкие на лесть, то через полчаса лаборатория работала почти так же, как в обычный день. Только одеты девушки были странно, потому что их разыскивали на репетициях, на спортивных соревнованиях, а некоторые пришли прямо с пляжа, в открытых сарафанчиках, в шортах, и все это сделало лабораторию похожей на курзал какого-нибудь курортного местечка...

Впрочем, Алексей не замечал этого. Раздав эталоны необходимых снимков, он и сам встал к просмотровому аппарату. Предстояло проверить множество фильмов и фотографий, если он хотел чего-нибудь добиться.

Только лишь зашуршали разворачиваемые фото- и кинопленки, как в лабораторию вошел Тропинин. Тропинин был в сером костюме, в белой сорочке, волосы тщательно причесаны. Его сопровождали Габор и Ласло. На этот раз водяной бог выглядел несколько растерянным и даже смущенным. Должно быть, ему здорово попало на берегу, когда он вернулся со своей победой.

— У вас найдутся снимки для моих ребят? — спросил он.

«Ну что же, кажется, он признал свою вину. Придется быть вежливым!» — подумал Алексей.

— Есть эталонные снимки. Михаил Борисович напечатал их столько, что хватит на всех экспериментаторов Союза.— И Алексей подал пачку фотографий.

Тропинин внимательно просмотрел их, отобрал наиболее отчетливые и сунул в карман. Взглянул на работающих лаборантов, сухо сказал:

— Везет вам, Горячев! Вся Дубна работает на вас!

Кивнул своим адъютантам и вышел. Алексею захотелось догнать его и отобрать снимки, но он стиснул зубы. Не стоило обижать хороших ребят Габора и Ласло.

Через два часа появилась Нонна. С нею были Надежда Тропинина и еще какая-то молодая женщина, а главное — они несли подносы с бутербродами и термосы с кофе. Нонна все-таки вспомнила, что Алексей не ел с ночи, а другие пришли, не успев пообедать. И все действо сразу приобрело еще более вольный характер студенческого субботника.

Но вот то от одного стенда, то от другого стали раздаваться возгласы:

— Нашла!

— Алексей Фаддеевич, взгляните, не это ли вы ищете?

— Есть улов!

Это означало, что девушки изучили наконец характерные особенности сверхновой звезды на эталонных снимках и теперь отличали даже невооруженным глазом нужную реакцию от множества других, запечатленных на снимках. И для Алексея началась страдная пора: отвергать или принимать, сдавать в фотолабораторию негативы и снимки для подготовки дубликатов, оспаривать запальчивые утверждения новоявленных знатоков эксперимента, что найдено именно искомое, и он опять забыл о Нонне.

Однако Нонна о нем не забывала. Она приняла деятельнейшее участие в его заботах. Сидела в фотолаборатории до красноты в глазах, выходила, чтобы напомнить о кофе, подвигала какой-то «особо вкусный» бутерброд, и Алексей невольно подчинялся ее руководству, в то же время думая, что такие же ночные бдения бывали и у Бахтиярова, там Нонна тоже старалась казаться нужной, а Бахтияров нежно гладил ее руку, когда она в разгар спора или просмотра чертежей появлялась в его маленьком кабинете с чашками крепкого кофе, и она ластилась к нему, не обращая внимания на его посетителей. И было почему-то особенно больно думать, что она именно ластилась, что не просто выполняла обязанности хозяйки дома, но как бы вручала себя повелителю вот так, как сейчас смиренно и почти подобострастно смотрит на Алексея, как говорит почему-то шепотом: «Выпейте кофе, Алеша, вы же ничего еще не ели!» — и от этого кофе становится горьким, а бутерброд не лезет в горло.

«Ах, Бахтияров, Бахтияров, почему ты и мертвый стоишь между нами!» — вот что хотел бы воскликнуть Алексей, но тень покойного была столь грандиозной, что вызывать ее заклинаниями не следовало, она и так заслоняла перед Алексеем все будущее...

Шла медленная, теплая и очень светлая июньская ночь. Звезды в перламутрово-прозрачном небе казались особенно далекими от земли, луна добавляла желтого света в эти сиреневые сумерки, в открытые окна влетал яростный запах повлажневших лип и цветов,— все пространство вокруг лаборатории было засажено цветами, и они пахли резко и томительно, как всегда в июне, в пору самого обильного цветения. Гости профессора давно уже спали, а сам Богатырев все перематывал рулон за рулоном пленку давней давности, когда он и сам был еще молодым и только начинал эксперименты над сверхмалыми и самыми новыми частицами. И в этом стародавнем хламе встречались те самые взрывы, которые обнаружил молодой физик Горячев и сделал предметом исследований, а он, тогдашний молодой парень Павка Богатырев, не приметил, не открыл, хотя смотрел такими же пытливыми глазами... Впрочем, тогда все заслоняла тень атомных взрывов и куда важнее было узнать прогрессирующую силу мегатонных бомб. И он изучал данные об этих взрывах, рассматривал фотографии, на которых атомная бомба, взорвавшись, поднимала на стометровую высоту и несла на ее гребне подопытный крейсер с козами, коровами и конями, привязанными на палубе к бывшим креплениям лафетов и крюкам бывших орудийных башен. В те годы ядерная физика стала чисто военной наукой, и все усилия были направлены на исследование деления урана и плутония, а такие экзотические мелочи, как аннигиляция анти-ро-мезонов, остались незамеченными. Это теперь, на основании таких вот находок, можно строить далеко идущие философские обобщения, обновлять химию, биологию, искать путь к звездам, поднимать ракетные корабли в космос и управлять новыми силами природы.

Богатырев взглянул на Алексея, на часы, на лаборантов — сегодня к девяти снова надо прийти сюда на работу, уже четыре часа понедельничного утра,— и тихо спросил:

— Может быть, хватит, Алексей Фаддеевич? Тут столько материала, что можно убедить в нашем открытии все академии мира...

— А? Да? Верно?

Алексей бросил сожалеющий взгляд на оставшиеся еще не размотанными рулоны пленок, распрямил усталую спину, сказал:

— Довольно, товарищи! Большое вам спасибо!

Кто-то выключил электричество, и в комнату вступила прозрачная и холодная чистота рассвета. И тогда стало видно, как все утомлены. Лица девушек со стершейся с губ помадой, с черными кругами от осыпавшейся с ресниц туши стали старше и словно мудрее, как будто в эту ночь они заглянули в будущее. Алексей невольно пожалел своих помощниц,— не так уж много радости принесла им эта необычная работа, открывателем-то был он, а те маленькие восторги по поводу удачных находок, которые испытали эти девушки, едва ли стоили бессонной, мучительной ночи. Вот кого он хотел бы вознаградить, перечислив их имена на титульной странице своей будущей статьи, но это, к сожалению, окажется невозможным, а вот имена Михаила Борисовича или Крохи сюда попасть могут!

Доброе утро

Ашот ГРАШИ

Доброе утро, дубы и сосны!
  Доброе утро, чаща!
Эй, привечай меня, чаща!
  Блеском своим облей!
В этом разливе синем,
  В этом дыму журчащем,
В этом зеленом море
  Сердце стучит ровней.

Сев на корабль зеленый,
  Парус весна раскрыла,
Далью златовиденной
  Снасти ее полны...
Здравствуй, корабль зеленый,
  Парус туманнокрылый!
Я корабельщик!
Я не пират
На корабле весны!

Я не вандал жестокий,
  Втайне топор точащий,
Не заговорщик с пулей
  И не палач с петлей!

Доброе утро, дубы и сосны!
Доброе утро, чаща!
Доброе утро, Утро!
Я корабельщик твой!

Перевела с армянского
Новелла МАТВЕЕВА.

Зеленый луч

Максим ТАНК

Растут на родимой земле великаны
  деревья.

У каждого дерева
крона из шумных веток,
каждая ветка —
зеленый луч,
каждый луч —
это тысячи звонких жалеек.
Из каждой жалейки,
когда заиграешь,
то жаворонки вылетают,
то чибисы,
  то соловьи.
О, не рубите
  деревьев певучих,
если любите
  песни свои!

Перевел с белорусского
Григорий КУРЕНЕВ.

Линия

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

...Речная синева пустой была...

...Но волны поднялись лавиной,
и над водою линия прошла,
как проведенная на ватмане сангиной.

Ресницы, губы, грудь, движенья, стан —
ну, словом, вся в таком библейском стиле,
который все Адамы возносили,—
выходит Ева на передний план...

Потом природа копию сняла
с рисунка Энгра
(рисунок звался Актом),—

стоял эскиз, и женщина цвела
на ватмане неотразимым фактом.

Желтел песок, трава росла,
и линия, рисующая тело,
вдруг ожила и прыгнула так смело
к любимому — и обняла...

Перевел с литовского
Станислав КУНЯЕВ.

И. Заринь. ИСКРА.

На развороте вкладки: **Р. Валнере.** ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ.

Р. Пиннис. КАНДАВА.

«Ну, уж нет! Этого больше не будет!» — вдруг сердито поклялся себе Алексей.

Тут он взглянул на Нонну и подивился: бессонная ночь словно бы и не подействовала на нее! И только приглядевшись, заметил, что она просто успела уже аккуратно подкрасить губы, удлинить глаза черным карандашом.

И так же, как он только что жалел совсем посторонних девушек, отдавших его работе свой отдых, вдруг рассердился на Нонну. Могла бы хоть казаться такой же усталой, как другие, чтобы эти другие не пялили на нее удивленные глаза! И не пожелал заметить, как просительно смотрела на него Нонна, хотя и понял: и она, и Надежда, и та, третья, незнакомая, ждут от него слова благодарности, и Нонна, может быть, больше всех! И, сердясь на нее, промолчал. А потом пожалел, потому что профессор вдруг подошел к этим трем женщинам, даже стоявшим как-то обособленно, будто их выключили из пира в честь победы, и галантно поцеловал им руки, и наговорил столько нежных слов, будто именно благодаря им сегодня была достигнута победа. Впрочем, Алексей сделал вид, что очень занят просмотром того материала, который принес ему Габор из лаборатории Тропинина, и милые эти помощницы, кажется, простили его...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ:

Ника взмахнула крылом

Им так и не пришлось воспользоваться гостеприимством отеля. В пятом часу утра Нонна с завидным упорством опытного шофера, привыкшего к длинным рейсам, завела мотор, и остывшая за ночь машина медленно пошла по сонным еще улицам Дубны.

Только один раз, перед самой уже Москвой, Нонна остановила машину, откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и просидела неподвижно несколько минут. Лицо у нее было замкнутое, отчужденное.

В этом рейсе Нонна молчала всю дорогу. Алексею порой казалось, что она вот-вот скажет какие-то особенные слова,— было на лице ее иногда такое решительное выражение,— но тут ее внимание отвлекал какой-нибудь отчаянный грузовик, летящий по центральной полосе шоссе, и она нажимала клапан сирены. И сирена начинала реветь то угрожающе, то тревожно, как будто Нонна передавала при помощи этого механического голоса свое настроение.

В семь часов утра она довольно холодно попрощалась с ним у его дома. Теперь он жалел, что они так упрямо промолчали всю дорогу. Ему казалось, что он смог бы высказать ей свои обиды, заговори она, но самому плакаться ему не хотелось.

Так ничего и не поняв в смене ее настроений, он поднялся к себе, сердито швырнул на стол опостылевшие снимки, прошел в ванную и встал под душ. Он только что начал бриться после душа, как зазвонил телефон. Михаил Борисович ласково отругал его за то, что он не приехал вместе с Нонной, чтобы позавтракать у них.

— Вы считаете, что мне безразличны ваши поиски?— обиженно спросил он.— Я нарочно вернулся еще вечером в город...

— Было слишком рано!— отговорился Алексей.

— Но ведь Нонна все равно разбудила меня!

— Я не знал, что вы в городе.

— Телефоны придуманы именно для того, чтобы разговаривать на расстоянии и не тратить лишнее время на ожидание новостей!

Алексей не додумался до того, чтобы спросить: почему же сам уважаемый Михаил Борисович не позвонил в Дубну? Разыскать в Дубне человека значительно проще, чем в Москве. Опять это проклятое «лестничное» остроумие! Самые лучшие слова придумываются, когда вас выставили на лестницу... Но тут Михаил Борисович смилостивился, сказал добрым голосом:

— Нонна рассказывает, что вы там чуть ли не подвиг совершили, чтобы покорить дубнинцев. Ну, от кого, от кого, а от Тропинина я такой спортивной прыти не ожидал.

— Тропинин тоже помог нам,— вяло сказал Алексей.

Он уже забыл о своей обиде. Ему хотелось спать, и было досадно, что опять придется сидеть с пустой головой в своей клетушке в институте. Но тут Михаил Борисович сказал еще более добрым голосом:

— Волоките вашу добычу ко мне, а потом я отпущу вас хоть на три дня! Вы заслужили отдых!

Алексей принялся одеваться.

Конечно, Нонна не спала и, честное слово, выглядела так, словно только что выкупалась в живой воде. Улыбка, с которой она открыла дверь, была милой и предупредительной, кофе, который она подала, был сварен не хуже, чем это делал сам Алексей, и снимки она разглядывала с не меньшим интересом, чем отец, как будто и не сидела три часа назад за просмотровым стендом. Впрочем, за этот интерес Алексей теперь был ей благодарен. Ведь он тоже разглядывал «добычу» с особым удовольствием, тем более, что многие отпечатки видел впервые: там, в Дубне, положился на лаборанток. Они привыкли отыскивать ту или иную траекторию частицы среди тысячи снимков даже и не по эталону, а всего лишь по теоретическому расчету, по возможному углу рождения или рассеивания...

Добыча была действительно велика. И по горящим глазам Михаила Борисовича было понятно, что он не только доволен, но и видит за этими снимками что-то такое, что еще невидимо Алексею. Но о том, что он там, в дали дальней видит, Михаил Борисович молчал.

Они совместно пронумеровали экспозицию, отобрали самое «доказательное», и Михаил Борисович, взглянув на часы, воскликнул:

— Пора! Пора в институт! А вы, Алексей Фаддеевич, отдыхайте! Можете отдыхать хоть день, хоть два...— Трех дней он уже не предлагал.

Но едва отец ушел, Нонна утомленно зевнула. И, хотя Алексей был убежден, что она сделала это нарочно, ему пришлось распрощаться.

Он вернулся домой. Теперь он мог отсыпаться хоть двое суток. Но сон его был коротким и беспокойным.

А давно ли ему думалось, что нет ничего лучше покоя! Весь этот месяц он спал урывками; засыпал мгновенно; мог упасть на продавленный диван в своей институтской клетушке и словно провалиться; мог задремать на заседании, особенно если ораторствовали велеречивый Кроха или Подобнов, но сегодня ему не было ни сна, ни покоя.

Алексей вертелся на своем диване-кровати, курил, думал. Итак, работа завершена...

В полдень, махнув рукой на отдых, он пошел в институт.

Он не удивился, увидав в вестибюле Чудакова и Коваля; эти успели выспаться. Но возле большого зеркала стояла Нонна. И все четверо, не сговариваясь, пошли в клетушку Чудакова.

Михаила Борисовича в институте не было. Нонна сказала, что он подвез ее и поехал в академию.

Чудаков многозначительно взглянул на Алексея, но ничего не сказал. И немедленно углубился в снимки, привезенные из Дубны.

После недолгих споров отобрали самые эффектные и устроили из них тут же, в кабинете Чудакова, что-то вроде выставки, развесив снимки на все четыре стены.

Нонна, рассмотрев экспозицию, произнесла свой высокий приговор:

— Великолепно! Алеша, вы заслужили награду!

Слова ее прозвучали так многозначительно, что не только Алексей, но и Чудаков с Валькой вытаращили на нее глаза. А Нонна, отвернувшись от них, раскрыла свою сумку и что-то доставала оттуда.

— Бутылка коньяку, чесс-слово!— догадался Коваль.— Ох, и нагорит нам, если мы ее тут раздавим на радостях!

— Коробка шоколадных конфет! Для маленьких детей и старых пенсионеров!— поддразнил Ярослав.

То, что Нонна вытащила наконец из своей новомодной, похожей на дорожный саквояж сумки, было завернуто в пергаментную бумагу и оплетено во всех направлениях шелковой лентой. Внешне это действительно было похоже на большую бутылку, и Валька, прищурив глаз и чмокнув толстыми губами, определил:

— Кварта виски или большая бутылка венгерского бренди!

У Алексея вдруг часто-часто забилось сердце. Вспомнилось что-то давнее, даже прекрасное, и в то же время горькое, но он не мог еще понять, что же это захлестывает его, какая горечь и боль могут слиться так, что начинает ныть душа и трудно вымолвить слово. Ярка переводил взгляд с Нонны на Алексея, но молчал. Он, кажется, сообразил, что им обоим не до шуток. И вдруг наступил на ногу Вальке, так что тот замолк с открытым ртом, не выговорив очередной веселой догадки.

Нонна медленно сняла ленту, развернула бумагу и поставила на стол перед Алексеем бронзовую статуэтку.

— Это вам, Алеша!— тихо произнесла она.

И ни слова о том, что когда-то уже дарила эту вещь другому. И ни напоминания о том, что когда-то Алексей уже просил подарить ему эту статуэтку, что тогда она была ему нужнее. Она предпочла другого. Сейчас тот мертв, но богиня Победы жива, и вот она стоит перед Алексеем, символизируя его победу...

А может быть, она стоит на столе, как переходящий приз? Мертвый не мог унести ее с собой туда, куда он ушел, победив однажды и все же потерпев поражение. И вот приз передают другому.

Нет, ты не можешь думать так плохо. Это знак. Это символ. Ника не может нести на своих крыльях ничего дурного. И Нонна думает о тебе лучше, чем ты о ней.

Он еще ничего не успел сказать, как Валька схватил статуэтку и принялся разглядывать, вертя так и этак, и от живой теплоты его рук бронза светилась все богаче и выразительнее.

— Какая чудесная вещь! — воскликнул он.

Действительно, в его руках статуэтка стала матовой, теплой, словно оживала: вот-вот затрепещут крылья и Ника взлетит с Валькиной руки, чтобы опуститься на другую протянутую руку. И верно: чуть встрепенув крыльями, она перелетела на руку Ярослава.

Ярослав рассматривал Нику задумчиво, сосредоточенно, будто надеялся прочитать что-то в ее позе, в ее трепетном, готовом к полету, кратком движении, и, когда поставил статуэтку на ладонь, Алексею внезапно показалось, что Ника и в самом деле отрывается от постамента, и он нечаянно потянулся к ней, чтобы удержать. Ярка внимательно взглянул на него и передал статуэтку, потом покосился умным глазом на Нонну и молча отошел от стола, найдя себе дело: поправить фотографию, которая спокойно висела на стенке.

— Спасибо!— тихо вымолвил Алексей.

— Вы давно заслужили ее!— ответила Нонна и медленно вышла из комнаты.

— Алеша, за что Нонна так тебя отличила?— спросил неугомонный Валька.

— Он заслужил эту награду!— суховато, но твердо остановил его Ярослав. И через мгновение:— Но где я мог ее видеть, эту Нику?

— По-моему, она стояла у Нонны в комнате, когда мы еще были студентами,— неловко ответил Алексей.

— Нет, не там...— Он задумался, глаза устремились куда-то за пределы комнаты, словно усилием воли он сделал стены про-

зрачными.— А, вспомнил! У Бахтиярова, в номере гостиницы. Он пригласил меня както перед отъездом в Ленинград, уговаривал перейти к нему на строительство...— Он взглянул острыми своими глазами на Алексея, но тот молчал.

«Не буду же я рассказывать тебе, как однажды Нонна обидела меня. Я несу это в себе один. Но если ты подумаешь, что это и на самом деле переходящий приз, я верну его Нонне. Пусть ищет достойнейшего...»

Ярослав бросил притворную возню с фотографиями, вернулся к столу и, не отрывая взгляда от Алексея, сердито сказал:

— Если ты вздумаешь вернуть подарок Нонне, я перестану с тобой разговаривать. Я вижу, о чем ты думаешь! А ты понимаешь, что вместе с этой статуэткой она вручила тебе все неисполненные мечты и надежды Бахтиярова? И не мне рассказывать, кто такой был Бахтияров!

— Бахтияров? Реакторщик? Это был каменный мужик! — невпопад брякнул Коваль.— Мне его ребята говорили...

— Валя! — мягко остановил его Чудаков.— Мы ведь так и не сняли с позиции счетчики Черенкова. А там Кроха собирался стрелять по ниобию...

— Будет сделано! — Валька шутя взял под козырек. Но все смотрел непонимающими глазами на обоих: ни дать ни взять щенок, столкнувшийся с непонятным миром. Алексей молча завернул статуэтку в бумагу.

Коваль пошел на ускоритель, сказал: «Похвастаться!» — но Чудаков знал: поблагодарить добровольных помощников. Когда бы еще Чудаков с Валентином поймали эти сверхновые звезды, если бы не добровольцы, вместе с ними налаживавшие аппаратуру, дежурившие возле нее, волновавшиеся вместе с ними. И Чудаков спокойно ждал первых посетителей своей необычной выставки.

Сначала пришли наладчики, монтажники, вакуумщики из преисподней. Им так редко удавалось увидеть результаты своей работы! А Коваль на сей раз не пожалел слов.

И сейчас они задумчиво стояли вдоль стен, медленно переходили от снимка к снимку, ища самые затейливые, внимательно всматривались в странные рисунки взрывающихся анти-ро-мезонных звезд, как будто наблюдали рождение новых миров.

Потом пришли вычислители: этих взбудоражила Нонна.

До сих пор им не было никакого дела до того, что вычисляют теоретики и экспериментаторы на их машинах. С равным достоинством они вручали ответы машин и водопроводчикам, рассчитывавшим систему водоснабжения новых районов столицы, и автотранспортникам, решавшим проблему встречных перевозок, и строителям космических кораблей, уточнявшим трассу полета ракеты к Венере... Вычислительный отдел выполнял сотни разных заданий, и все они были одинаково важны. Но сегодня они пришли в полном составе, потому что им тоже хотелось увидеть загадочные частицы антивещества, послушать, что говорят самые заядлые фантасты института о других мирах, которые могут состоять целиком из этого самого антивещества, и что произойдет, если наш мир и тот, другой — антимир — сблизятся между собою...

— Аннигиляция!

— Взрыв!

— Взаимное уничтожение!

— Перестаньте пророчествовать! — воскликнул Алексей.— Еще испугаете кого-нибудь из начальства!

Но его и на самом деле раздражала эта сенсация. Посетители «выставки» мешали работать, а Михаил Борисович уже объявился в институте и немедленно разыскал Алексея по телефону: надо было срочно написать статью об открытии, оснастив ее всеми необходимыми теоретическими выкладками. Михаил Борисович уже не упоминал даже об одном дне отдыха. Теоретические расчеты должны быть готовы к среде. А Алексею еще надо посоветоваться с Чудаковым: о чем можно говорить, а что пока придержать. И Алексей готов был выгнать зрителей. Но слух о «выставке» распространялся, и им, авторам, уже невозможно было сбежать от своей затеи.

Неожиданно пришли теоретики, предводимые Крохой и Подобновым. Анчарова не было. Кроха долго разглядывал снимки, потом мрачно сказал:

— Папа римский должен прислать благодарность нашим открывателям!

Коваль, чистосердечнее всех наслаждавшийся эффектом «выставки», ошарашенно спросил:

— Почему папа римский? За что?

— А как же, наши советские физики — Чудаков и Горячев — наконец ясно указали, где находится местожительство господа бога и где помещается рай. В антимире!

Послышался смех. Но Кроха не смеялся. Не смеялся и Подобнов. Они оглядели всех презрительным взглядом, как будто зара-

нее сговорились, как им действовать, и торжественно вышли...

— Ну, теперь они нам выдадут за идеалистические концепции в физике! — с некоторой досадой сказал Чудаков. Он, кажется, уже сожалел, что вздумал дразнить гусей.

Коваль немедленно позлорадствовал:

— Вполне бетонно! Запретят произносить такие слова, как «антивещество», «античастицы» «антимир», и будь здоров! И никаких тебе больше снимков! Получишь только один: кающегося грешника в разодранном рубище и с посыпанной пеплом главой. Это когда ты придешь к Крохе признавать свои ошибки. Уж этот-то снимок я сделаю на «отлично»!

Чудаков с недоброй усмешкой подумал, что Коваль даже и не представляет, как быстро могут сбыться его пророчества. Валентин может и позлорадствовать и поиздеваться над Крохой. Но он никогда не полезет в драку. И с одинаковым усердием будет готовить и проводить эксперименты и по точным выкладкам Алексея и по шатким предположениям Крохмалева. Кроха, наверно, уже сидит у Михаила Борисовича и докладывает ему свои евангельские истины...

В это время снова вошла Нонна.

Она оглядела нередеющую толпу зрителей и невинно сказала:

— А мне показалось, что обеденный перерыв окончился!

Сконфуженные посетители попятились к выходу.

Когда последний из них осторожно закрыл за собой дверь, Нонна произнесла совсем другим тоном:

— Ну, мальчики, кажется, мы напрасно поторопились с этим праздником!

— А что случилось? — недоверчиво спросил Чудаков.

— Я зашла к отцу, чтобы взять ключ от машины, и застала там Крохмалева и Подобнова. Кроха пустил в ход все: идеализм, разрушение основных законов диалектического материализма, солипсизм и еще какие-то слова, которые я могла бы понять только с философским словарем в руках. Одним словом, ощущение такое, как если бы мы открыли выставку картин, не состоя членами МОСХа. Знаете, как пишут бесталанные художники о таких выставках? «Кто разрешил?» «На каком основании?» Крохмалев вспомнил и о том, что теоретических обоснований феномена еще нет, а выставка уже есть... Отец проворчал что-то о том, что дал задание Горячеву к среде сдать статью со всеми формулами, и тут я сбежала. Алеша, где эта ваша статья?

Она подошла к столу и оглядела разбросанные бумаги. Алексей неловко прикрыл исчерканный лист газетой.

— Уже начали? — Она небрежно отбросила газету и просмотрела наброски статьи. — Боже мой, какой деревянный язык! Почему вы, товарищи ученые, не умеете писать по-русски? Надо же сочинить такое: «Спонтанное деление лябильных частиц...»

— Это не любовное письмо! — сурово сказал Алексей, отбирая черновики.

— А разве вы умеете сочинять любовные письма? — невинно спросила она. — Я что-то не помню за вами такого греха...

— Бросьте вы перешучиваться! — сердито приказал Чудаков. — Валентин, снимай выставку! А ты, Алексей, успеешь к среде?

— Конечно, нет!

— Ну, так и не торопись! Мы же не имеем еще полной информации о том, что у них горит? Пока ты будешь сочинять статью в том духе, как нравится Нонне, мы с нею успеем кое-что разузнать... Вы мне поможете, Нонна? — прямо спросил он. И — о, чудо! — эта своенравная, упрямая женщина покорно сказала:

— Попробую!

После этого Алексею ничего больше не оставалось, как забрать черновики и подняться к себе. Нонна, Коваль и Чудаков остались совещаться.

Алексей просто-напросто забыл об их заговоре. Тем более, что во вторник он статью не закончил и в среду тоже.

Ему почему-то перестали нравиться сложноподчиненные предложения, в которых на одно русское слово приходилось полдесятка иностранных, а формулы, обильно уснащавшие статью, не казались доходчивыми. И он усердно вычеркивал фразу за фразой и придумывал новые, хотя эти новые, в сущности, ничем не отличались от зачеркнутых.

Михаил Борисович звонил по три раза в день. В среду он окончательно рассердился.

— Что вы там делаете? — раздраженно спросил он.

— Читаю словарь Ушакова.

— Оставьте ваши шутки, Алексей Фаддеевич!

— Мне не до шуток! Просто хотелось, чтобы статья была понятной!

— Вы же не детский писатель, а ученый!

— Хорошо! — устало ответил он.

После этого сочинение пошло быстрее. В самом деле, он пишет не для детей! А если дети захотят понять, чем он занимается, пусть окончат физический факультет университета. Хотя и окончившие не всегда понимают друг друга. Вот, например, Крохмалев и Подобнов...

Мысли о Крохмалеве и Подобнове не очень помогали писать, но все-таки в четверг перед концом работы он уже был в вычислительном отделе, у Нонны, своего редактора.

Продолжение следует.

СТРАНА СТАНЕТ БЛИЖЕ

15 марта 1962 года радио оповестило весь мир: «Шесть организаторов Социальных центров, виновные только в том, что они хотели научить алжирцев читать и писать, помогали им бороться с отсталостью... расстреляны бандой оасовских убийц». В числе погибших был Мулуд Фераун — один из крупнейших писателей Алжира.

«Дорога, ведущая в гору» — последнее и лучшее произведение Ферауна. Рассказывая о любви юноши Амера и девушки Дехбии, писатель вскрывает подлинные настроения кабильской деревни предреволюционных лет, повествует о попытке молодежи разорвать цепи колониального режима. Правда, Амер, герой романа, и его товарищи наметили только тропу, которая поднимется впоследствии к вершинам революции. Только тропу, не больше. Амер погибает в расцвете сил. Погибает нелепо и глупо. Этот юноша, который мечтал переделать мир и вел за собой деревенскую молодежь, человек гордый и независимый, стал жертвой злобы, ханжества и лицемерия своих односельчан.

Фераун через весь роман проводит справедливую мысль: любовь двух независимых и гордых молодых людей обречена на гибель в мире вражды, ненависти и наживы. И если Амер погибает физически, то Дехбия гибнет духовно. Ее возвышенные чувства рушатся при первом же столкновении с жизнью, исчезают, как легкие дымки облаков кабильского жаркого лета.

В книге Ферауна много авторских отступлений, кратких характеристик. Автор всегда точен и психологически достоверен, идет ли речь о главных или о второстепенных персонажах романа.

Советский читатель, познакомившись с романом Мулуда Ферауна, расширит свои представления о национальной культуре страны, совсем недавно завоевавшей независимость в борьбе с империализмом.

Юлий МАСТИЦКИЙ

Мулуд Фераун. Дорога, ведущая в гору. Роман. «Молодая гвардия». Москва. 1965.

Большая перемена

Николай **ТАРАСОВ**

Фото А. Бочинина.

Большая перемена. По широкому школьному коридору идет девочка в строгом коричневом платьице, черном фартуке и синих чулках. В руках — книга. Не замечая ни шума, ни суеты, перелистывает она страницы. А вскоре мы наблюдаем за ней и на уроке. Вон она. На второй парте справа. Наташа Кучинская, ученица десятого класса 239-й школы Ленинграда.

Преподаватель математики вызывает Наташу к доске.

И уже через несколько минут длинный коричневый прямоугольник доски весь исчерчен алгебраическими знаками.

— Готово, Александр Федорович...

— Я вас слушаю...

...Трижды в течение одной недели во время каникул звонили мы по телефону в Ленинград и трижды разочарованно опускали трубку.

— Наташа уезжает...

— Наташа в Челябинске...

— Наташа в Москве...

А нам она была нужна в Ленинграде.

И вот наконец:

— Наташа дома!...

На следующее утро прямо с вокзала мы поехали в школу.

Меньше чем за год эта школа с математическим уклоном приобрела уклон спортивный, шумный и торжествующий.

Здесь и раньше было много спортсменов-перворазрядников и даже мастеров. Но большая спортивная слава ворвалась в эти двери вслед за девочкой, едва перешагнувшей порог девятого класса. Наташе было тогда шестнадцать лет, а она уже стала мастером спорта.

Директор школы Мария Васильевна Матковская, человек с большим жизненным опытом, конечно, и не подозревала в тот день, когда приняла документы дочери двух ленинградских преподавателей физкультуры — Екатерины и Александра Кучинских, что ее ждет. «Отличный аттестат, прекрасная характеристика. Тихая, скромная девочка. Ну, любит спорт. Но ведь и хорошо учится. Не только математические, но и литературные способности. Пишет стихи. Много и упорно занимается. Надо принять...»

Если бы она знала!

А на улице «Правды», в гимнастическом зале общества «Труд», уже знали, надеялись.

— Наташа будет чемпионкой страны. Я была в этом абсолютно уверена четыре года назад, когда передала ее в руки нынешнего тренера Владимира Михайловича Рейсона,— сказала нам Клавдия Герасимовна Жердева, у которой девочка делала свои первые спортивные шаги.— Мама привела ее в 1957 году. Видели б вы ее тогда!.. Круглое, пухленькое личико. Животик вперед. Но смелость необыкновенная. И упорство. Эти два качества и сделали ее чемпионкой. Все дети боятся новых сложных движений — фляков, прыжков. Наверное, боялась и Наташа, но она этого никогда не показывала. Слова «боюсь» я от нее не слышала.

— И, зная ее будущее, вы передали Наташу другому тренеру? Не жалеете?

— Что вы, разве может жалеть школьный учитель, что его первый ученик принят в институт! Наташе было нужно высшее спортивное образование...

По счастливой случайности в 239-й школе преподает физкультуру Нина Александровна Прохоркина, которая знает Наташу с девяти лет.

— Что отличало эту девочку от других? — спросил я.

— Смелость, упорство. А на соревнованиях — спортивная злость. Она всегда была первой. В худшем случае второй. И знаете, что удивительно: при переходе из одного разряда в другой Наташа во всех упражнениях получала значительно больше девяти баллов. Если, конечно, не падала...

С заслуженным тренером РСФСР Владимиром Михайловичем Рейсоном мы почти не разговаривали. Но два дня подряд от начала до конца были на тренировках Наташи.

Тренировка начинается каждый день в четыре часа и кончается в девятом часу вечера. Что это такое? Это все то, что любители гимнастики видят с трибун, и все то, чего они не видят. На соревнованиях перед нами раскрывается картина борьбы за победу, а здесь ее детали, звенья, переходы, повторяемые десятки раз, снова и снова.

Большой труд на наших глазах претворялся в чудо красоты. Деталь отшлифована, соединена с другими, и вот уже каждое движение звучит, а на запрокинутом лице Наташи вспыхивают блики. Откуда? Может, это подсветка изнутри? Светятся глаза, волосы, руки. Рот чуть полуоткрыт. Она дышит движением. И музыка Листа находит свою совершенную пластическую форму. Кумир Кучинской в балете — Уланова. Ей она старается подражать, у нее учится полному слиянию пластики с музыкой.

— Кучинская — талантливый ребенок,— говорила нам еще в Москве Лариса Латынина.— Победила и Астахову и меня, но даже казаться взрослой не хочет. Предложите ей — и она сыграет с вами в жмурки...

— В жмурки? — улыбнулась Наташа.— Я действительно люблю эту игру. Но еще больше мне нравится ездить с папой на рыбалку, играть в баскетбол, бегать, прыгать... Часы в спортивном зале — лучшие часы в моей жизни. Если случается, что мне не удается прийти на тренировку (за последний год так было, может быть, два-три раза), я не нахожу себе места.

— Некуда деть энергию?

— Не знаю...

«Да», «нет», «не знаю», «может быть» — любимые слова Наташи. За несколько дней, что мы провели с ней в Ленинграде, она только раз по-настоящему разговорилась. Это было вечером на трамвайной остановке, недалеко от метро.

— «Дай, Джим, на счастье лапу мне»,— сказал я какой-то забавной собачонке.

— Вы любите Есенина? — радостно воскликнула Наташа.

И два квартала мы говорили о поэзии, о мудрости и красоте слова.

— «В саду горит костер рябины красной...» Здорово! Я целый день могу повторять одну строку...

Нынешней весной, 12 марта, Наташе Кучинской исполнилось семнадцать лет. На день своего рождения она пригласила к себе домой весь класс. Многие ребята, в том числе и Наташа, члены школьного клуба «Алые паруса». Не удивительно, что и в этот вечер в квартире абсолютной чемпионки СССР звучали романтические строки Александра Грина, стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина...

Прочла и Наташа свое собственное стихотворение о Лермонтове:

«О дух свободный и мятежный,
С душой бунтующей и нежной...»

Кто в семнадцать лет не писал стихи? Кого не обдувал ветер романтики? А когда ты уже что-то значишь да еще все впереди? И спорт — это радость? И все газеты мира печатают твои фотографии? Может быть, стать актрисой? Врачом? Журналистом? А как ответить на тысячи писем от совсем незнакомых людей, на их слова одобрения и благодарности? И ты уже была в Англии, Дании, ФРГ, ГДР, Болгарии, Чехословакии... И тебя снимают в кино. И берут интервью.

...По широкому коридору четвертого этажа школы на улице Плеханова среди шума и гомона десятиклассников идет девочка в строгом коричневом платьице, черном фартуке.

Звонок. Большая перемена кончилась.

Такой мы ее увидели на большой перемене.

Такой ее знают зрители...

Юрий ТЮРИН,
мастер спорта

ЗА ПИРЕНЕЯМИ

Да, действительно, приезд советских спортсменов в Испанию — это, видимо, настоящая сенсация для испанцев. Уже на пограничной станции в городе Ируне поезд встречает много репортеров. И вдруг:

— Здравствуйте, товарищи! — на чистом русском языке.— Разрешите представиться. Я Филипп, а это мои друзья.

Это испанцы, которые во время гражданской войны были детьми эвакуированы в Советский Союз и прожили у нас большую часть жизни. Улыбки, рукопожатия, возгласы неподдельной радости встречи.

Потом, во время нашего пребывания в Сан-Себастьяне, они приходили к нам в гостиницу целыми семьями, приглашали в гости, охотно рассказывали о себе. Даже их дети, родившиеся уже в Испании, довольно хорошо выговаривают русские слова. Находится очень много общих тем для разговора и споров. Бесконечно трогательно было видеть, когда на столе появлялась нераспечатанная пачка папирос «Пушка», красненькая тридцатирублевка, чашки с видами Москвы...

— Это все из России, с того времени, как уезжали...

И в глазах Филиппа грустная улыбка. Он вспоминает Москву, Подмосковье, стадион «Динамо», оставшихся друзей...

А его друг Фердинанд все время напевает русские песни. Он шофер — возит рыбу от морских промыслов в большие города. Он поет и во время долгого рейса. Песня русского ямщика на пути из Мадрида в Бильбао!

Немного о самом городе Сан-Себастьяне. «Красавец Сан-Себастьян» — так называют его испанцы. Это курортный город на берегу Бискайского залива. Длина города по побережью около 20 километров. Пляжи Ондарета и Конча. Остров Санта-Клара с его белым маяком. Узкие тихие улочки, расходящиеся веером от залива, старинные церкви, ряды базара, рыбаки, возвращающиеся вечером с лова домой.

На следующий день после нашего приезда спортивные соревнования, международный кросс. Соревнования проводятся на городском ипподроме. Зрителей около 50 тысяч. Кажется, что весь город пришел сюда. Даже соседние склоны гор усеяны зрителями. К месту старта вызывают из небольшой раздевалки, и приходится проходить на виду у всех зрителей. До старта метров пятьсот через людской коридор. Когда мы проходили мимо трибун, воцарилась глубокая тишина. В глазах зрителей нескрываемое любопытство: «Русс! Вот они какие, ребята из Страны Советов!»

А мы думаем: «Что они о нас знают?» И мало и много. Но улыбки хорошие, добрые и несмелые, с оглядкой. Но вот кто-то из нас прижал руку к сердцу — знак дружеского расположения. И произошло чудо, которое трудно передать! Грянул гром аплодисментов, к нам потянулись сотни рук, десятки бурдюков с вином полетели нам под ноги: «Русс, пей!»

Кросс в Сан-Себастьяне весьма представительный. Это видно хотя бы из того, кто был победителем предыдущих соревнований: Эмиль Затопек, Аллан Мимун, Мамо Вольде, Мохаммед Гамуди. Да и в этот раз был сильный состав. Испанская пресса считала фаворитом англичанина Фолера.

Недавно прошли обильные дожди, и почва во многих местах стала похожей на болото. Дан старт. Как всегда, хитроумные англичане сначала не выделяются, а к середине дистанции уже в головной группе, но тоже пока не в лидерах. А уж потом... Но вдруг среди зрителей кто-то громко кричит: «Шайбу!» Оказывается, и здесь за нас болеют. И Коля Дутов — молодец! — вырывает у англичан победу на последних метрах. А как нужна была нам победа! Как нужна!

На другой день улыбающийся Николай Дутов в испанском головном уборе «чапелло» и с серебряным кубком заполнил все передовые полосы газет.

— А вот теперь можно и выпить,— шутил Николай, заказывая очередной бокал молока.

Испанских друзей у нас стало еще больше. За столом в непринужденной обстановке возникает масса самых разных вопросов. Большой интерес к жизни и быту людей в Советском Союзе. Сразу отличишь человека, которого искренне радует наша жизнь, от людей с задней мыслью. Но спор настоящий. Как на беговой дорожке. И вот уже кто-то сходит с дорожки. Покидает поле боя, недовольно бурча себе под нос: «А ну их! Эти русские — фанатики!» А другие, уходя, одаривают крепким мужским рукопожатием, которое долго-долго ощущаешь всем сердцем.

Утром следующего дня тренировались на песке знаменитого пляжа Ондарета. Еще не настал сезон для отдыха, туристов совсем почти нет, поэтому пляж пуст. Лишь стайки ребят гоняют футбольный мяч. Завидев нас, бросают игру. Они впервые видят людей с нашивками «СССР» на тренировочных костюмах. Тихо переговариваются, измеряют следы от наших шагов на песке. У них, видимо, был урок физкультуры. Инструктор — священник в черной рясе. И, поскольку ребята громкими аплодисментами встретили наше предложение поиграть в футбол, он тоже не выдержал. Священник — парень молодой, лет 25, не старше. Было смешно, как он, в накрахмаленном воротничке, задрав рясу, с увлечением, в поте лица своего гонял с нами футбольный мяч.

Со всего пляжа собрались болельщики. Расстаемся друзьями. Получаем приглашение прийти завтра еще сыграть.

Но на следующий день в дорогу — домой.

И опять самые искренние друзья, несмотря на раннее утро, пришли нас проводить на вокзал, сказать добрые слова, торопливые, горячие напутствия:

— Ждем на будущий год!
— Привет Москве!
— Мучас грасьяс!

И долго бегут за вагоном.

Мастер спорта Николай Дутов с испанскими друзьями.

Фото автора.

Стадион в Сан-Себастьяне.

Берды
КЕРБАБАЕВ

Размышления

* * *

Душа в тебя и пламенно и властно
Не стеклодувом вдунута была,
Но для нее, возвышенной, опасна
Обида, словно камень для стекла.

А души есть у всех, и потому
Быть справедливым надо самому.

* * *

Ветрено механика превратности
Колесу судьбы диктует ход.
Кто творит другому неприятности,
Сам в капкан однажды попадет.

Род ведут, неся свое тавро,
Зло от зла и от добра добро.

* * *

Моим сединам оказавший почести,
На то, что я в годах, не намекай.
В заботливом и вежливом пророчестве
Ты мне покоя, друг, не предрекай.

Еще я молод и чего-то стою,
Еще пленяюсь женской красотою.

* * *

Тот не бедняк, кто новые одежды
Купить не смог по бедности своей.
Бедней его богатые невежды
И люди, у которых нет друзей.

Но всех бедней улыбчивый завистник,
Чужих успехов тайный ненавистник.

* * *

Невежество похоже на проказу,
Гноятся язвы у него в мозгу.
Я, словно врач, по предрассудкам сразу
Определить невежество могу.

Как прокаженный, должен, может быть,
Невежда с колокольчиком ходить.

* * *

Неотличим, клянусь я головой,
От холостого выстрел боевой.
И больше стало храбрых после боя,
Чем было храбрых на передовой.

Историограф собственной отваги —
Фантаст и на словах и на бумаге.

* * *

За круглым полем щедрого стола
Был долог звон заздравного стекла.
И целый вечер я держался стойко,
А утром вскачь вселенная пошла...

Ах, дуралей! Зачем я выпил столько?
В башке моей звенят колокола.

* * *

Успех человеческий — старый кочевник —
Приходит к достойным. И в этом, брат, суть.
Когда тебя честно обходит соперник,
Подножку не ставь ему. Рыцарем будь!

А станешь завидовать — жить не захочешь,
Сам свое бедное сердце источишь.

* * *

Когда б интригу млад иль стар
Принес однажды на базар,
Я за любую цену откупил бы
Произведенный подлостью товар.

Его забросив в бездну океана,
На мель я посадил бы интригана.

* * *

Взявшись за гуж,
Не скажи, что не дюж,
Если не мальчик ты,
Если ты муж.

Славные так завещали мужи:
— Вылезь из кожи, а слово сдержи!

* * *

Деньги — вещь хорошая. По счету
Получай за честную работу!

Деньги — вещь хорошая. Лишь тот
В нашей жизни не достоин денег,
Кто за деньги совесть продает,
Зло творит иль попросту мошенник.

* * *

Была горька того мужчины чара,
Который, как страдалец и пророк:
«Сварливая жена — господня кара»,—
В отчаянье супружеском изрек.

Поймет его в любые времена
Тот, у кого сварливая жена.

* * *

На лихоимстве свой не строй достаток,
Опасна алчность — пагубная страсть.
Кто украдет, кто снизойдет до взяток,
Тому в позоре долго ли пропасть!

Раскаянье бывает слишком поздним,
Когда возмездье проявляет власть.

* * *

Верблюду горб в дороге, как назло,
Натерло деревянное седло.

Но седоку с надменной вышины
В глазах верблюда слезы не видны.
Беды верблюжьей не в седле причина,
А в седоке: недоглядел, скотина.

* * *

Горлана глотка здорова,
Начальственна походка,
Но, как известно, голова
В делах важней, чем глотка.

Ишак кричать большой мастак,
Но знает всяк, что он ишак.

* * *

В жизни не надо по многим причинам
Званьем кичиться и хвастаться чином.

Следует помнить и старым, и юным,
И самым вознесшимся в этом числе:

Быть человеком в мире подлунном —
Высшая должность на грешной земле.

* * *

«Проснись»,— заворковала возле уха
С улыбкою лукавой молодуха.
Я говорю: «Быть мы не можем парой,
Ты молода, а я, смотри, какой!»
Она в ответ: «Ах, греховодник старый!»—
И обняла арканящей рукой.

* * *

У лицемерья два гонца,
Два вероломных близнеца.

Один мне шепчет «Дорогой!»
И льстит в глаза при этом,
А за спиной меня другой
Чернит пред белым светом.

* * *

Я очарован был до немоты
Красавицей, откинувшей яшмак [1].
Она сказала: — Слишком робок ты! —
И бросила цветок в меня: — Чудак!

Влюбленно я смотрю вослед плутовке
И чувствую, что связан без веревки.

* * *

Бывает, что раздор в семье иной
Начнется между мужем и женой.
И видно всем, как в зеркале житейском,
Закат любви стал этому виной.

Ушла любовь, как солнце с небосвода,
А начиналось все с ее восхода.

* * *

— Эй, редактор, не режь мою строчку,
Лучше палец ты мне отруби.
Удали запятую иль точку,
Только строчку мою не губи.

Ты не ножницы, я не бумага,
Соверши милосердье и благо.

Перевел с туркменского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

---

[1] Яшмак — конец головного платка, которым женщина прикрывает рот.

Р. ЗЕРНОВА

Рассказ

Рисунок Ю. Черепанова

БРОНЗОВЫЙ БЫК

После дождей наступило лето — внезапное ленинградское лето, когда каждый солнечный день кажется последним. Солнце торопится сделать все возможное за отпущенное ему время и уходит с неба только в последней крайности. А когда оно уходит, берутся за дело старые городские камни: они дышат, пыхтят натужно, как астматики, спеша отдать ненужный им жар. С рассвета и до заката полуголые тела устилают грязноватый песок у Петропавловской крепости: здесь глотают свою порцию солнца те, кому не утерпеть до отпуска. Здесь мало нарядных купальников; здесь вода жирная и холодная, как остывший суп; здесь лежат неподолгу — пока не кончится обеденный перерыв, пока не начнется смена... Зато солидных, толстых людей вы здесь и не встретите — это пляж молодежный.

В антикварный магазин в эти дни заглядывают только случайные иностранцы — женщины с абстрактными от расплывшейся косметики лицами, их спутники с холеными прическами и вежливым оскалом. Они рассеянно оглядывают канделябры, люстры, мраморные головы и деревянные панно с битой птицей и останавливаются перед старым фарфором. Мэри Григорьевна, опрокидывая легкую чашку так, чтобы показать фирменные знаки на ее донышке, опускает веки, поднимает прямые брови и говорит по-французски или по-английски:

— Настоящий сакс!

И складывает губы так, как будто произносит звук «ю».

Мэри Григорьевна всегда выполняла план. Магазин выполнял план благодаря Мэри Григорьевне. Мэри Григорьевна работала здесь тогда, когда и самого магазина, по сути дела, не было, а была обычная комиссионка — продажа мебели, картин, посуды... Мэри Григорьевна работала в отделе посуды. Из того отдела и вырос нынешний антикварный магазин.

Директор говорил:

— С Мэри Григорьевной никакого оценщика не надо. Будь я хозяин — я бы не держал. Все она знает, ну, все она знает! Нет расчета держать лишнюю единицу!

Однако держал. Был ли, не было расчета, но единица ему полагалась по штату. А Мэри Григорьевну на эту должность не переводил: во-первых, у нее не было соответствующего образования, во-вторых, кто же мог ее заменить за прилавком?

А Люба работала в магазине первый год, и, она надеялась, последний: осенью непременно поступит в Институт точной механики и оптики. На вечернее отделение. И тогда вся ее жизнь сразу переменится и сама она переменится тоже. Она станет веселой, легкой, проворной; она будет выполнять все задания так, что преподаватели сразу поймут, как им повезло с новой студенткой; она отпустит волосы и сделает себе прическу «колос»; у нее появятся новые красивые вещи — сапоги, например, на таком тоненьком-тоненьком каблучке...

Откуда пойдут все эти перемены, Люба не задумывалась. Она просто была уверена, что все это произойдет, должно произойти, потому что жить по-прежнему было неинтересно. Любе надоели пыльные вещи, голос Мэри Григорьевны и лампы дневного света: среди всего этого она чувствовала себя не на месте. К тому же директор, проходя мимо, качал головой, как будто это Люба была виновата, что никто не покупает елизаветинских люстр. А Мэри Григорьевна томно говорила:

— Лю-убочка, будьте у-умницей, заинтересуйте покупателя — и он все ку-упит!

По Любиному мнению, все эти люди с жадными, оценивающими глазами, которые толклись в магазине и подолгу останавливались у ее прилавка, вовсе не были покупателями. Это были зеваки, равнодушные бездельники. Они появлялись в магазине регулярно, рассматривали вещи подробно, придирчиво, замечали каждый новый подсвечник и вовсе не замечали Любу, как если бы она была садово-парковой скульптурой, лишенной всякой художественной ценности.

Иногда кто-нибудь — конечно, не из зевак! — покупал канделябр с розочками и пастушками или бисквитный бюстик Чайковского. Люба заворачивала купленную вещь и думала: охота людям хранить это старье! А Мэри Григорьевна со своего места кивала покупателю, делала букву «ю» всем лицом и говорила про канделябр:

— Дивная вещь! Такая лженаивная пастораль! Восемнадцатый век!

И про Чайковского:

— Я очень люблю бисквит. Благороднейший материал!

«Сколько она может всего наговорить про этот хлам!» — думала Люба.

Ее сочувствием пользовалась другая категория посетителей — те, что пытались от своего хлама избавиться, комитенты. Они входили в магазин с деланно-незаинтересованным видом, отыскивали глазами свои вещи на полках и, отыскав, уходили вздыхая. Любе хотелось их утешить: ничего, сейчас просто не сезон, вот наступит осень... Но она ничего не говорила: стеснялась. Она стеснялась всех: директора, Мэри Григорьевны, антикварного хлама, а больше всего — самой себя. У нее были длинные руки, длинные ноги, длинное, хлесткое туловище; не девушка — кувшинка. Все это ей мешало, стесняло; она горбилась, вбирала голову в плечи.

— Неужели вам только двадцатый год? Я думала, куда больше! — сказала ей Анна Петровна, кассирша.— Я в девятнадцать лет была до того заводная... Огонь! А вы прямо какая-то спящая красавица.

Люба ничего не ответила. Она вообще была безответная, словно и не касалось ее то, что происходило вокруг. Мэри Григорьевна замечала, что иногда у нее загорались глаза или проплывала по затуманенному лицу смутная улыбка и сейчас же исчезала, будто смывало ее полой весенней водой.

Весна в этом году была серая, и лето началось дождями. Ленинградцы со страхом ожидали самсонова дня. Самсонов день решает в Ленинграде все: если в этот день светит солнце, то лето будет сухое, если дождик, то семь недель подряд будет лить. Бывает, что примета и подводит, бывает, что и оправдывается. Люба, которой не хватало солнца, как рахитичным детям извести, тоже ждала Самсона. Самсон пришелся на солнечное воскресенье. Она поехала к Петропавловской крепости и весь день пролежала, как ящерица, на непрогретом песке. Рядом с ней загорала девушка — научно, по часам, каждые десять минут перекатываясь с боку на бок, со спины на живот. Она заговорила с Любой; той пришлось поднять голову. И когда она подняла голову, то увидела...

Высокий парень в голубой рубашке, в темных очках шел прямо к ним и улыбался ослепительно, казалось, одна эта улыбка шла, плыла к ним навстречу. Люба невольно улыбнулась в ответ, но он ее не заметил: он подошел к ее соседке, снял очки, протянул руку и сказал приветливо:

— Здравствуйте, Танечка! Завтра у добрых людей начерталка, а вы тут прохлаждаетесь! То есть загораете.

Пожимая протянутую руку, соседка сказала:

— Я не Таня. Я Тоня. И у меня не начерталка, а сопромат.

— Это неважно,— сказал он, ничуть не смутившись.— Меня, кстати, зовут Костя. Но вы ведь сопромат сдавали в тот же день, что и я.

— Можно сдавать и не сдать! — заметила соседка.— В общем, я чувствую, что он меня опять завалит. Так, спрашивается, зачем я в такой чудный день...

Люба вовсе не желала слушать этот бессмысленный разговор. Она поднялась, пошла к воде, по дороге посмотрела на Костю — голубые глаза, голубая рубашка. Завтра у него начерталка, а он сидит здесь, треплется с этой Таней-Тоней, у которой противный жеманный голос, мешающий людям наслаждаться тишиной и солнцем.

Когда она вылезла на берег, его уже не было.

А на следующий день он появился у них в магазине.

День кончался. Мэри Григорьевна уже сменила тапочки на модельные туфли. Люба предвкушала радость короткого вечернего часа, когда она вмешается в толпу оживленных, спешащих людей, которых где-то кто-то ожидает с нетерпением. Любу никто не ждет, и спешить ей некуда, но в толпе она не хуже других. Красное обветренное солнце садится за Домом книги, на асфальте подсыхают утренние лужи, и в одном людском потоке с Любой несутся девушки-продавщицы из больших магазинов, с которыми она обедает в кафе-автомате. По вечерам у них совсем другие, принаряженные лица. На них нет утренней озабоченности, дневной усталости — они плывут в толпе, и показывают себя, и царят над городом. Разноцветные болоньи, легкие платочки — это их сезон, их час.

Любе казалось, что только этот час и есть у нее в жизни,— вот так она движется по прекрасной улице, среди надушенных, причесанных, красивых, и ждет того, что сейчас случится удивительное, и кто-нибудь в эту минуту смотрит на ее лицо, и оно ему кажется не сонным, а загадочным. Мало ли что возможно вечером, под закатным солнцем!

В том маленьком зале, где работала Люба, не было окон — только лампы дневного света горели холодным, зимним огнем, да лампочки люстр порой вспыхивали, как желтые одуванчики. Чего можно ждать в таком зале?

И когда парень в голубой рубашке знакомым движением снял темные очки и шагнул к Любиному прилавку, ей показалось на очень короткую минутку, что она просто вызвала его сюда своим вечерним ожиданием удивительных событий.

«Я вас не знаю»,— скажет она. «Зато я вас узнал». «Но я вас никогда не видела». «Вы просто не заметили. Вчера, на пляже...»

Он подошел, тронул загривок бронзового бычка, который уже несколько месяцев красовался на Любином прилавке, и спросил:

— Все еще не продан, девушка?

Люба помолчала, потом спросила:

— Это, что ли, ваша вещь?

Конечно, это была его вещь. Чем же еще можно было объяснить его появление в магазине? Этот бык принадлежал его бабушке, а теперь она умерла, и он ее наследник. И тут Любе пришлось позвать Мэри Григорьевну, потому что она не знала, какие документы полагается принести наследнику, а Мэри Григорьевна все знала, все объяснила и в заключение сказала, скорбно покачав головой:

— Сейчас мало охотников на эти прекрасные вещи! В современных квартирах они както не смотрятся!

— Да вот мы как раз получили новую квартиру, и бабушка велела его сдать! А мне жаль! Я к нему привык!

— Конечно, жаль! — сказала Мэри Григорьевна.— Такие вещи — это история. Вот, помнится, мне один человек рассказывал про наших быков у бойни...

— Мэри Григорьевна! — крикнула кассирша.— Сколько там на ваших? Не пора ли закрывать?

Он ушел. Анна Петровна сказала:

— Стиляга!

Мэри Григорьевна возразила:

— Ну, почему стиляга? Просто современный молодой человек.

Вошел директор и сказал Любе:

— Вы, товарищ Иванова, все-таки должны понимать нашу работу. Учтите: продавец в отделе не для мебели, а чтобы с покупателями разговаривать. Вы молодая девушка, надо быть приветливой.

Он смотрел на Любу неодобрительно. И она на него смотрела и думала, что с этими лампами дневного света беда: лицо у человека кажется каким-то мертвенным, синим, и не кожа видна на лице, а строение кожи: поры, сосуды, капилляры... Директор сказал:

— Вид у вас неважный, учтите! На воздухе надо бывать, спортом заниматься, плаванием, греблей!

— Какой там воздух, Дмитрий Прокофьевич! — сказала Люба.— Дожди и дожди вместо всякого воздуха.

— Юнкер Шмидт! честнбе слово, лето возвратится! — сказала Мэри Григорьевна грустно.

Директор, который уже направился к себе, остановился, нахмурил брови и сказал:

— Не юнкер, а лейтенант Шмидт!

— Это я из Козьмы Пруткова,— кротко ответила Мэри Григорьевна.— Стихи!

— А! — сказал директор.— Да, да, конечно. И ушел.

Люба надела свой пластикатовый плащ (зато он не свистит при ходьбе, как болонья!) и вдруг загляделась на бронзового быка. Он стоял, гневно нагнув тяжелую голову, выставив длинные рога, острые, как кинжалы, напрягши складку на грузной шее; бронзовое его тело сияло в электрическом свете. Свирепый зверь! Кто его так разъярил?

У него, конечно, есть история. В конце концов у всех этих вещей, каждая из которых старше не только Любы, но и Мэри Григорьевны, есть своя история. И у мраморной девочки в чепце, какой носили, должно быть, лет сто назад. И у чугунной табакерки с фигурой спящего воина на крышке — не табакерка, а какое-то надгробие. Вещи живут дольше, чем люди. Стоит ли этому радоваться?

Об этом она думала уже потом, в вагоне метро. И думала о том, что Костя так ее и не узнал. Ничего, когда он придет с документами, она ему скажет: «Вы меня не узнали, а я вас узнала...» Он что-нибудь скажет. «Нет, вы не думайте, ничего удивительного, что я вас запомнила, у меня просто память на лица». «Я вас тоже запомнил, только не сразу узнал». «Ну, а как поживает эта Таня... или, кажется, Тоня?» «Ну, что вы, я ее с тех пор не видел!..»

А между тем Самсон не подвел: на следующий день наступило лето. В обеденный перерыв Люба поехала к Петропавловской крепости и двадцать минут лежала на солнце, совершенно счастливая. Только бы лето продлилось хоть пять-шесть дней! Какой-то парень в темных очках прошел мимо, Люба приподнялась на локте. Нет, не он.

Люба стала ездить к Петропавловской каждый день, в обеденный перерыв.

Мэри Григорьевна сказала:

— Любочка, вам очень идет загар! Но нельзя же так жить — вы совсем обедать перестали. Или вы по вечерам обедаете?

— По вечерам,— сказала Люба.

— Вы кого-нибудь ждете?

— Никого. Почему вы так думаете?

— Нет, просто я вижу, что вы все время смотрите на дверь. Господи, а если даже ждете — что тут такого, зачем так краснеть? Так как его зовут?

— Абсолютно никак,— сказала Люба.— Мэри Григорьевна, а что вы говорили про быков у бойни? Что, у них какая-то история?

— Вы думаете,— спросила Мэри Григорьевна с сомнением,— что это тот самый бычок?

Она с некоторым трудом выплыла из-за своего прилавка, подошла к быку, склонила голову набок:

— Художник неизвестен... Работа нерусская, примерно восемнадцатый век. Да, может быть, это тот самый! Я, конечно, в бронзе не очень разбираюсь. А свирепый какой зверюга, вы только посмотрите! Вот-вот проткнет вас рогами! Знаете, я не видела знаменитого Фарнезского быка, но вот в Париже, в Лувре...

— А вы бывали в Париже?— спросила Люба.

— Давно, Любочка, лет тридцать назад. Муж там работал в торгпредстве. Для вас все это древняя история, а для меня вчерашний день. Я все так помню, так помню!..

Как и в прошлый раз, Костя пришел к концу дня. На нем была другая рубашка — клетчатая, и на одном плече висела туристская сумка. Люба нашла, что он за эти дни побледнел и осунулся. Но тут она вспомнила про лампы дневного света.

Костя прошел со своими документами к директору, а Люба сказала:

— Давайте, Мэри Григорьевна, лампы выключим, а люстры зажжем. Все равно конец дня.

Мэри Григорьевна кивнула. Люба переключила свет. Ничего, ничего, сегодня он ее заметит. И правда, выйдя от директора, он сразу подошел к ней.

— Девушка, это вы пасете моего бычка?

Люба ответила так живо, что Мэри Григорьевна подняла изумленные брови:

— Ничего, хлопот с ним немного. Кушать не просит, не бодается, даже не мычит.

Она засмеялась. И он засмеялся тоже и сказал:

— Просьба к вам. Отдать его только в хорошие руки. Ладно?

Он облокотился на прилавок, согнул свою длинную спину и посмотрел Любе прямо в глаза. Чувствуя, что с каждой минутой теряет вес — вот-вот взлетит!— она ответила:

— Ладно!

— Чтобы его лелеяли, холили, чистили...

— Ну как же!

Они помолчали. Потом он сказал:

— Я сегодня за грибами ходил, тут неподалеку, и решил заглянуть.

— Как это — за грибами неподалеку? В магазин?

— Да нет, не в магазин. Просто собирал грибы.

Она посмотрела на него, и в глазах ее была обида: смеется он над ней, что ли? Вместо ответа он распустил шнурки своей сумки и сказал:

— Смотрите, если не верите!

Она заглянула в сумку,— на дне ее были грибы, тихие, мучнисто-белые, только что срезанные, на толстых запачканных ножках.

— Это шампиньоны!— сказал он.— Сразу видно, что вам неведомы тайны большого города. Шампиньоны растут в самом городе, а не в Сиверской и не в Комарове.

— А где же?

— А! Вам сказать грибные места! Так грибники не поступают! Это, правда, тайна!

Он в последний раз улыбнулся и ушел. Люба стояла, оглушенная. Мэри Григорьевна сказала:

— Суду все ясно!

И изобразила лицом букву «ю».

— Как вам не стыдно, Мэри Григорьевна!— сказала Люба с негодованием.— Как вы так можете? Я бы никогда...

— Люба!— сказала Мэри Григорьевна, от неожиданности забыв вытянуть губы.— Вы что? Вы, может быть, с ума сошли?

Люба отвернулась. И по дороге домой она еще долго негодовала про себя на людей, которые вдруг вобьют себе в голову неведомо что и болтают и болтают...

На следующее утро, едва придя на работу, Люба сказала:

— Мэри Григорьевна, простите меня, пожалуйста, за вчерашнее. Я погорячилась.

— Ну, что вы!— сказала Мэри Григорьевна.— Вы меня даже удивили. Я не ожидала от вас... такого темперамента!

Тут Люба сверкнула глазами, и Мэри Григорьевна сочла за благо больше не выяснять отношения. Но, когда Люба отправилась на пляж, она сказала Анне Петровне, кассирше:

— Видимо, рассказала матери все, и мать посоветовала извиниться.

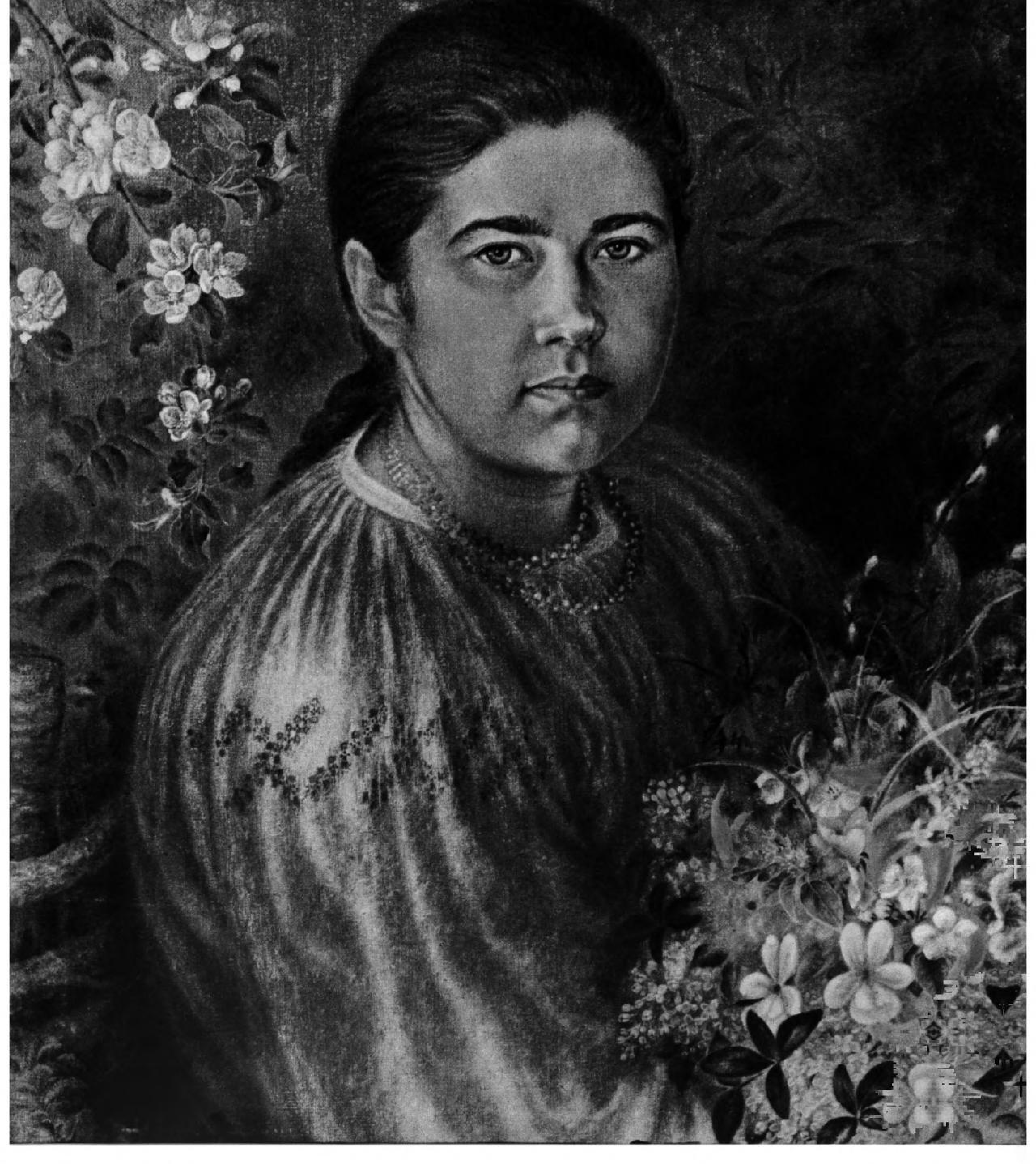
— Это вы про Любу?— сказала Анна Петровна.— Да она ведь сирота. Мать умерла — еще году нет. Ее сюда соседи устроили. Она сирота круглая.

— Что вы говорите?— удивилась Мэри Григорьевна.— Ах, бедная девочка. То-то она ходила такая... как в воду опущенная. Так как же она мечтает про институт? Жить-то на стипендию...

— Так она же на вечерний собирается! Ну, а там поступит, не поступит... Вообще она самостоятельная девушка, но вот... неживая какая-то!

Подошел август, а жаркие дни все не кончались. И бронзовый бык по-прежнему стоял на прилавке, ожидая своей судьбы.

...С двадцатых годов прошлого века стоят в Ленинграде бронзовые быки. Установили их на Гутуевом острове, против здания Скотопригонного двора, потом, лет через сорок, перевезли к новому зданию бойни на Забалканский проспект, и не так давно, уже после войны, они опять перекочевали к новому зданию мясокомбината. А когда их только поставили, со всех концов Петербурга на Гутуев остров сбежалась и съехалась публика посмотреть на новое творение скульптора Василия Ивановича

К. Белокур. КОЛХОЗНИЦА НАДЯ.

Демут-Малиновского. В это время на Скотопригонный двор пригнали стадо.

И вдруг из стада вырвался разъяренный бык. То ли толпа его напугала, то ли конское ржание, а может быть, бронза под солнцем неожиданно блеснула ему в глаза — но он с ревом бросился на людей. Поднялся крик, народ кинулся прочь, давя и опрокидывая друг друга... Вдруг прямо навстречу быку бросился человек, по одежде — простолюдин, замахнулся, ударил быка между глаз кулаком, и бык упал, оглушенный.

Никто так и не узнал, кто был этот человек и откуда он взялся. Говорили, что Василий Иванович Демут-Малиновский, который, конечно, тоже был у Скотопригонного двора и видел все, повез богатыря к себе домой, угостил и подарил ему статую бронзового быка, которую вывез из Италии. Будто бы сперва он хотел подарить ему копию своих собственных быков, а потом рассудил, что они слишком смирны, и преподнес итальянского, длиннорогого и свирепого.

Так никто с тех пор и не узнал, куда делся богатырь и его бронзовая награда.

— И вы думаете, это тот самый бык?— спросила Люба, потрясенная.

— Все может быть,—сказала Мэри Григорьевна.— Ленинград — город чудес. И наш магазин — это не просто магазин, а лавка чудес, разве вы это еще не увидели, Любочка? Вот в вашем отделе овальное зеркало висит, вы в него иногда смотритесь, с вполне понятным удовольствием... Да, да, вы в последнее время очень похорошели. А представляете себе, чьи лица оно отражало за эти двести лет? Вещи, Люба, это... это... Ведь их руками делали, и настоящий мастер их подписывал, как художники картину подписывают...

— Да, конечно,— сказала Люба рассеянно.— А кто вам эту историю рассказал, про быка?

— Увы!— вздохнула Мэри Григорьевна.— Его уже нет. Это был замечательный человек, поэт, знаток старины, ценитель. Он к нам в магазин ходил, как в библиотеку: ему каждая вещь о себе сама рассказывала. И вот я думаю: когда мы уйдем — я не про ученых говорю, они-то будут — а вот такие, обыкновенные люди, как я, которые что-то помнят, потому что интересуются, кто же тут останется? Я понимаю, молодежь не любит, когда ей говорят: ваш долг то-то и то-то. Но все-таки... Вот этот молодой человек. Он ведь, наверное, даже не поинтересовался, откуда у его бабушки такая статуэтка?

Люба пожала плечами. Одно дело — разговаривать с Мэри Григорьевной про старую бронзу, другое дело — про Костю. Вероятно, интерес к вещам — это хорошо, но разве можно проявлять такое любопытство по отношению к людям? А может быть, Мэри Григорьевна и не делает никакой разницы? Уж очень для нее все вещи живые. Но знает ли Мэри Григорьевна, что в Ленинграде есть грибные места?

Однако после этого разговора с Мэри Григорьевной Люба иначе стала ходить по ленинградским улицам. Город чудес!.. Сколько раз за двести пятьдесят лет менялась вода в реке, и деревья, и стекла в окнах, и паркеты в домах, и фонари... А что-то осталось. Что же? Форма? Или сердцевина вещей, их душа?

Иногда они уходили с работы вместе с Мэри Григорьевной. Тогда они не спускались в метро: Мэри Григорьевна не хотела забираться под землю.

— Еще успею!— говорила она.— Столько на поверхности всего чудесного, зачем мне до времени под землю лезть?

Люба соглашалась и провожала Мэри Григорьевну до Староневского. Они шли мимо Дворца пионеров, куда Люба бегала несколько лет назад, в кружок юных физиков, а потом в певческий, а потом в биологический... Мэри Григорьевна говорила:

— Представляете, каких-нибудь сто тридцать лет тому назад... Зима, метель, вечер, а тут кареты подъезжают. А среди них одна...

И Люба отчетливо видела, как из кареты выскакивает быстрый маленький человек с бакенбардами и подает руку высокой женщине с длинными локонами вдоль продолговатых щек...

Мэри Григорьевна давно уже была совсем одинока. У нее не было никого, кроме соседей. Когда-то у соседей была маленькая дочка, к которой она привязалась, которую даже учила французскому языку. И когда лет десять назад ей предложили однокомнатную квартиру, она отказалась: как же она разъедется с ними? Да еще вселят им неизвестно кого!

Но дочка соседей выросла, вышла замуж и поселилась в кооперативном доме; соседка овдовела, постарела и вечно жаловалась на зятя, на сватью, на дочь... И Мэри Григорьевна чувствовала себя дома только в магазине: там она была нужна и даже незаменима.

За последнее время она привязалась к вялой, молчаливой девчонке, которая почти ничего не говорила, но слушала внимательно, пока вдруг не погружалась в какие-то свои мечты, до которых никому не было дела. У этой девочки не было ни прошлого, ни настоящего — одно сплошное будущее.

И поскольку новая привязанность — это новая тревога, то Мэри Григорьевна тревожилась беспрестанно. Что она делает по вечерам, эта одинокая девочка, что ест, с кем встречается? И вот эта ее привычка в обеденный перерыв ездить на пляж. Мало ли что может случиться! По радио каждый день рассказывают случаи: гражданин Н., будучи в состоянии алкогольного опьянения, решил искупаться...

В тот день Люба не явилась после обеденного перерыва. Мэри Григорьевна не могла найти себе места. Она убеждала себя, что ничего не случилось — просто эта дуреха замечталась у воды, или у нее остановились часы... А тут директор может появиться в любую минуту!

В это время в магазин вошли трое — женщина и двое мужчин. Женщина была прекрасна, как райская птица. Мэри Григорьевна посмотрела на нее, не поверила своим глазам, еще раз посмотрела... Где-то она видела это кроткое лицо — во сне или в кино... Голос у нее был низкий и мягкий, движения свободные, и голову она держала слегка вниз (должно быть, подростком стеснялась своего высокого роста). Мэри Григорьевна безошибочным своим глазом сразу определила ее возраст — лет тридцать, должно быть!— увидела, что она несет свою красоту спокойно, привычно, бездумно, как миндальное дерево весенний цвет; увидела, кто из двоих ее истинный спутник — по тому, как она его слушала, покорно наклоняя маленькую голову.

Этот спутник был среднего роста, с лицом ровно-бледным, продолговатым и тонким. Он держался необыкновенно прямо — танцовщик? Мим? Марсель Марсо без грима? Его движения словно подчинялись некоему четкому музыкальному ритму — и раз, и два, и три... При среднем своем росте он умудрялся глядеть на окружающих сверху вниз, с некоторым высокомерием. Но это высокомерие смягчалось печальным выражением маленького рта, матово-черных глаз.

Третий был ясен: это был переводчик.

Они разглядывали чашки и сервизы на полках, не приближаясь к прилавку, обмениваясь замечаниями. Мэри Григорьевна определила, что они говорят по-испански: она уловила несколько знакомых слов: «порке»... «мучо»... «эста бьен». Южноамериканцы? Непохоже. А эта Люба их так и не увидит! Она обратилась к переводчику:

— Что вас интересует?

— И сам не знаю,— сказал переводчик.— Шли по улице. «Магазин!» «Магазин!» — «Старая посуда!» «Старая посуда». Почему-то все женщины любят старую посуду.

Влетела Люба и, ни на кого не глядя, заняла свое место за прилавком. На лице ее еще держалось то выражение, которое жило на нем где-то за стенами магазина,— выражение нетерпеливого ожидания и стремительной готовности. Люба сказала, чуть задыхаясь, видно, бежала опрометью:

— С ума сойти! Я так все рассчитала, так рассчитала!..

Мэри Григорьевна кивнула. У нее отлегло от сердца. Теперь она займется этими посетителями. С помощью переводчика она выяснила, что райская птица действительно кое-что понимает в фарфоре. Ее спутник отвернулся со скучающим видом: посуда его не интересовала. Вдруг он издал какое-то восклицание, чуть повел плечами и осторожным шагом канатоходца пошел к Любиному прилавку.

Мэри Григорьевна увидела, что он рассматривает бронзового быка — гладит его по холке, треплет по рогам... Потом он слегка повернул голову, и на этот молчаливый поворот головы райская птица пошла к нему, извинившись перед продавщицей смущенной и доверительной улыбкой. За ней пошел переводчик. Но там, у Любиного прилавка, переводчик был не нужен: Люба сама разговаривала с этим человеком на его языке, чуть запинаясь, иногда отыскивая нужное слово... Мэри Григорьевна вытянула шею, прислушиваясь: да, конечно, Люба говорила по-испански. До чего же скрытная девчонка! Когда же она успела выучить язык? И, вы только посмотрите, у нее совсем другое лицо стало, и смех, и даже голос другой — низкий, цыганский. Кто бы назвал ее теперь «спящей красавицей»? Вокруг ее прилавка собралась маленькая толпа — все, кто был в магазине.

Переводчик вернулся к Мэри Григорьевне. У него было растерянное лицо.

— Ему очень понравился этот бык,— сказал он.— Это, говорит, не простой бык, это настоящий бык, красавец, храбрец. Таких, говорит, сейчас нет уже — измельчали. Он ведь в этих делах разбирается!

— В каких делах?

— Ну, в быках. Вы разве не поняли, кто это? Мэри Григорьевна пожала плечами.

— Откуда же мне знать? Вот ее лицо мне как будто знакомо!

— Еще бы! Вы ее в кино видели. Вы видели...

Он назвал какую-то картину, которой Мэри Григорьевна не помнила. И вообще ее сейчас не интересовали посетители, как бы хорошо они ни разбирались в антикварных вещах. Ее интересовала Люба: что такое она сейчас с таким волнением рассказывает этому человеку? Может быть, легенду про быка? А почему, собственно, он этим заинтересовался?

— Тореадор он, понимаете? Знаменитый тореро! — шепотом сказал переводчик.

Его простодушное лицо горело извечным мальчишеским восхищением перед профессией смельчаков — будь то мушкетеры, тореадоры или космонавты.

— Лучшая шпага Испании, представляете? Сам Хемингуэй на него любовался! Вот продавщица ваша, она сразу его узнала. Интересная девушка, эта ваша продавщица.

— Что она там ему рассказывает? — спросила Мэри Григорьевна.

— Расспрашивает про бой быков, наверное! — Переводчик засмеялся. Люба начала кутать бронзового зверя в бумагу, попыталась повернуть его, оглянулась беспомощно. Переводчик перехватил этот взгляд и бросился на выручку; тореадор тихонько зааплодировал.

Бык был уже оплачен, завернут, обвязан тяжелыми веревками, а тореадор все разговаривал с Любой. Потом он взял ее руку и бережно поцеловал, не спуская с ее лица своих матово-черных, печальных глаз. И жена его тоже пожала Любе руку и что-то сказала, тихо улыбнувшись. И они ушли — тореадор со своей тяжелой покупкой, переводчик и райская птица. В дверях тореадор обернулся и сказал Любе серьезно и грустно:

— Суэрте! Муча суэрте!

— Что он вам сказал? — осведомился директор, появившийся в магазине в эту последнюю минуту.

— Пожелал мне счастья,— звонким, взволнованным голосом ответила Люба.— И приглашал в Испанию. Я сказала, что приеду, когда у них не будет фашизма.

Директор нахмурил брови:

— А зачем вам вообще в Испанию?

— Ну все-таки...— сказала Люба задумчиво.

Когда магазин опустел, Люба подошла к Мэри Григорьевне.

— Мне было так удивительно,— сказала

К. Белокур. КОЛХОЗНОЕ ПОЛЕ.

она.— Я о нем читала и ее в кино видела, и вдруг они тут. Мне все казалось, что это не на самом деле.

— Вы обратили внимание на ее лицо? — спросила Мэри Григорьевна.— На нее смотришь, и как будто музыку слушаешь. Прямо до слез пронзает.

— Она интересная,— согласилась Анна Петровна, кассирша.— А он, может, и знаменитость, но мне не особенно понравился. На зонтик похож.

— Нет,— сказала Люба,— у него лицо хорошее. Я не знаю, какой он человек, но...

— Я где-то читала,— сказала Мэри Григорьевна,— после тридцати лет человек отвечает за свое лицо. Оно такое, каким он его сделал всей своей жизнью. На нем проступает душа.

— У него душа грустная,— сказала Люба.— Он мне сказал: «Я сразу догадался, что ты испанка».

Мэри Григорьевна улыбнулась. Люба подняла брови.

— Почему вы смеетесь? Я в самом деле испанка, наполовину. Мою маму привезли в Советский Союз в тридцать шестом году — она из самого Мадрида. Ей было двенадцать лет, она все хорошо помнила.

— Так вот почему...— сказала Мэри Григорьевна.

— А иначе откуда бы я знала испанский язык? У нас в школе его не проходили. Мама рассказывала, что папа так по-испански и не выучился. Она говорила: если ты не будешь со мной разговаривать по-испански, то я его совсем забуду. Конечно, она только так это говорила. Разве можно забыть родной язык?

Мэри Григорьевна думала: значит, уже третье поколение поднялось с того времени. А как недавно все это было: Париж и плечистые парни в широкополых шляпах и серых москвошвеевских костюмах на парижских улицах — русские летчики, пробирающиеся в Испанию. Они появлялись в торгпредстве, шумные, веселые, отчаянно чужие в этом городе, настороженно-бдительные, любопытные, торопливые. Особенно она запомнила одного — громадного волжанина, с раскатистым, басовитым голосом. Он и фамилию носил подобающую: Величко. Когда через сколько-то месяцев — или это было через год? — те ребята опять появились в Париже, она спросила о нем.

— Не вернется Величко! — сказали ей.— Погиб.

И многие не вернулись.

Люба говорила:

— Ко мне заходят мамины подруги. Они тоже не позволяют мне забыть язык. И все вспоминают, как их увозили в Советский Союз от бомбежек, от голода. Я рассказала о них этому тореадору — он очень переживал, по-моему. Он сказал: «Может быть, мы с ними когда-то играли вместе?..» А у папы погиб в Испании старший брат — он был танкистом.

«Вот как все сплелось,— думала Мэри Григорьевна.— Мне казалось, что у тебя нет прошлого. Оказывается, есть. У тебя — прошлое твоего отца, твоей матери, этого твоего дяди... И все это — твое собственное прошлое. Ты этого пока не понимаешь».

— А все бычок! — сказала Люба.— Вот расскажу сегодня Косте.

— Его зовут Костя? — спросила Мэри Григорьевна.

— Ну да. Вы ведь его знаете. Я ему, между прочим, рассказала эту легенду вашу! Он ничего об этом не слышал. Но, Мэри Григорьевна, это не потому, что он не интересуется, он очень даже интересуется!

«Вот почему ты так переменилась! — думала Мэри Григорьевна.— Ну что ж! Пусть у тебя все будет хорошо! Беспечальной жизни не бывает, но пусть печали твои будут светлые!»

— Он сегодня мне сказал — мы у Петропавловки встречаемся — он сказал, что, по его мнению, это тот самый бычок.

— Очень может быть! — сказала Мэри Григорьевна.— А вы смотрите, Люба, сколько у вас новых друзей из-за этого бычка! И Костя и этот тореадор...

— И вы! — сказала Люба.

— Ну-у, Лю-убочка! — протянула Мэри Григорьевна, страшно польщенная.

И сделала лицом букву «ю».

Это — Бельведер.

Товарищ Морель, мэр.

Его избиратели.

ОГНИ В ДОЛИНЕ ВЕЗЮБИ

Генрих ГУРКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В Бельведер мы попали уже под вечер. Дорога, нырнув вначале в узкое и мрачноватое ущелье, наконец вырвалась из него и пошла петлять по склонам гор. Приморские Альпы — так называется этот южный департамент Франции. Море осталось позади — в Ницце, в Каннах, в Сан-Рафаэле. А здесь были Альпы. Они со всех сторон окружали нас, и маленькие городки и деревни там, наверху, в кипени цветущих яблоневых садов казались каким-то миражем, удивительно красивым и нереальным.

— Очень бедный край,— не отрывая взгляда от дороги, коротко бросил наш водитель, секретарь федерации Компартии Франции в департаменте Приморские Альпы товарищ Николя Пилипенко.

Молодой, энергичный, стремительный, всю дорогу он насвистывал песню «Три танкиста, три веселых друга». Этой песне его научил отец, казачий белогвардейский офицер, когда-то бежавший с частями Врангеля. Отец хлебнул лиха в Турции и Греции, потом эмигрантская судьба забросила его в далекую Бразилию, а в конце концов он обосновался здесь, на юге Франции, женился на веселой черноглазой итальянке, завел небольшой ресторанчик в Ментоне и всю жизнь жестоко тосковал по России. Он во многом разобрался за годы, проведенные на чужбине. И когда началась война, не задумываясь, связался с отрядами Сопротивления. Он организовывал побеги из гитлеровских лагерей советских военнопленных, прятал их в своем доме, а потом переправлял в маки. В то время, наверное, и услышал он песню о трех танкистах. В сорок пятом Николя, тогда еще мальчишка, пришел домой с билетом Компартии Франции. Отец сказал: «Правильно поступаешь».

...Наш маленький «рено» карабкался по кру-

той спирали на очередную гору. Справа от дороги, в камнях, вилась мелкая речка.

— Уходят из этих мест люди,— сказал Николя.— Трудный здесь кусок хлеба у крестьянина. Земля скупая, да еще пожары каждый год... Молодежи почти не осталось в деревнях.

Николя знает по-русски несколько слов. Я— примерно столько же по-французски. Прилетев в Ниццу, я позвонил ему:

— Я — аэропорт — Ницца.

— Д'акор! Хорошо! — бодро откликнулся Николя.— Я — машина — аэропорт.

Так примерно мы и объяснялись.

А сейчас мне повезло: с нами ехали две советские девушки — ленинградки Ирина Белякова и Галина Пядусова. Вот уже почти два года они преподают русский язык в университетах Франции — одна в Тулузе, вторая в Лионе. Они охотно согласились быть переводчиками.

— Смотри! — Николя остановил машину и показал рукой вверх.— Это Бельведер.

Туда мы и ехали, в маленький французский город, избравший на прошлых выборах коммунистический муниципалитет.

Где-то над нами, в облаках, крепко слепившись один с другим, стояли домики. В центре поднималась каменная свеча церкви — необходимая деталь в силуэте любого западноевропейского города.

Мы свернули на узкую, местами побитую дорогу и, проехав мимо таблички с надписью «К центру», втиснулись в средневековую улочку, мощенную камнем и плотно зажатую между двумя рядами домов. Если бы не пестрые коробки в окнах лавочек и не оставшиеся на стенах с прошлых выборов лотарингские кресты — эмблема голлистов — и соперничающие с ними плакаты со словами «Голосуйте за Миттерана», можно было бы подумать, что ты попал в какой-нибудь XVI век и сейчас навстречу выедет рыцарь в блестящих доспехах и, взяв наперевес копье, спросит у водителя документы...

Рыцаря мы не встретили. Мимо, с трудом с нами разъехавшись, прошествовал верхом на осле человек в кожаной куртке — лихо закрученные усы, трубка в зубах. Он загнал осла на узенький тротуар, пропуская нашу машину, да еще вежливо приподнял при этом берет и поздоровался с нами.

Мы выехали на центральную площадь. Возле церкви сидели несколько стариков. Они сразу же повернули в нашу сторону головы и начали нас разглядывать — весело и дружелюбно. Остановились и мальчишки, гонявшие на самокатах.

Нас ждали. Из большого дома с надписью «Мэрия» шли через площадь трое.

— Здравствуй, Николя! — сказал один из них, человек среднего роста, с добрыми глазами и широким лбом.— Скажи товарищам, что мы рады их приветствовать в Бельведере. Они первые советские люди, которые приехали сюда.

Это был мэр Бельведера Ромэн Морель. Двое других — его помощники. Собранный, крепкий, со спортивной внешностью — это Альбер Даниэль. А немолодой уже, с морщинистым лицом, в кепке, сдвинутой на затылок,— Альбер Гентран.

Мы вошли в мэрию, пожав перед этим три десятка рук на площади и услышав не только «Бонжур, мсье!», но и «Бонжур, камарад!».

Рассказывал Ромэн Морель. Рассказывал о Бельведере, о городке, где 650 жителей, у которых свои заботы, радости, проблемы.

— Главное в работе муниципалитета,— говорил Морель,— помочь тем, кто здесь работает, жить нормально. И, конечно, остановить уход молодежи.

Мэр говорил неторопливо, взвешивая слова, и внимательно слушали его, кивая порой головами, не только мы, но и муниципальные советники — четверо немолодых людей. Они тоже подошли к началу беседы.

— Конечно,— рассуждал вслух мэр,— мы не можем здесь, в горах, создать все удобства и блага городской цивилизации — это утопия. Но облегчить и улучшить жизнь людей — в наших силах. Вот один пример. Прежде Бельведер страдал от недостатка воды. Ее не было в домах. Кубометр стоил 15 франков. Когда избрали наш муниципалитет, коммунистический (это было в марте прошлого года), мы собрались, начали думать, как быть. И решили: устроим субботник, как у вас, в России. Денег не было, но каждый работал. Кто с лопатой пришел, а вот товарищ Гентран привел свой маленький бульдозер. Вырыли бассейн, выложили его камнем, и вода поднялась в дома. Теперь она ничего не стоит: 5 франков в год — символическая плата.

— Несмотря на это, они предпочитают пить вино,— вставил Николя Пилипенко.

— Это верно,— разулыбившись во весь рот, подтвердил мэр. И советники тоже дружно закивали.

Потом Ромэн Морель рассказывал, как проводили электричество в дома и ремонтировали часовню («Церковь принадлежит коммуне, надо же, чтобы она имела, так сказать, божеский вид»), как провели праздник, плясали фарандолу на улицах, а на собранные деньги купили ребятишкам лыжи и наняли тренера — пусть катаются, Альпы-то рядом! И о том говорил мэр, как помогли двум старикам, у которых подохла корова: сложились всей коммуной и купили другую корову. И о том, как строили дом для пастухов в горах,— им раньше крепко доставалось во время непогоды. И как школьников возили на экскурсию в Океанографический музей в Монако. И как телевизор поставили в мэрии, чтобы люди приходили смотреть. О разном, о большом и малом, говорил мэр. Но, слушая его, я думал об одном: наверное, вот такие люди, как Морель, и умеют заставить тех, кто воспитан с позиций «каждый за себя», понять великую силу человеческого братства, узнать, что такое чувство локтя.

— Сколько голосов вы собрали на выборах в муниципалитет? — спросил я.

— Около шестидесяти процентов избирателей проголосовали за коммунистов,— ответил Морель.— А через три месяца меня избрали в генеральный совет департамента. Семьдесят процентов бельведерцев голосовали за меня.

Мэр вернулся к планам на будущее.

— Хотим привлечь туристов в наши места. Для этого нужна хорошая дорога. А красота здесь сами видели какая. Начали строить дорогу. Проложим ее — начнем строить лыжную станцию с механическим подъемником, пансионаты, отели. Дадим работу нашей молодежи. А доходы пойдут в общую коммунальную кассу.

— Товарищ Морель, а сколько в Бельведере коммунистов?

— Тридцать пять.

— Тридцать шесть,— поправил Альбер Даниэль.— Сегодня ко мне подходил Луи Свес, он подал заявление.

А потом мы отправились смотреть Бельведер. Поднялись по его узким улочкам наверх, на площадку, откуда открывается великолепная панорама — заснеженные вершины Альп и игрушечные города в долине.

— Сто лет назад Бельведер был окружен каменной стеной,— рассказывал мэр.— Здесь было очень много волков. И в гербе Бельведера — волк и яблоневые деревья. Ну, почему яблони, ясно...

Да, конечно, ясно. Куда ни посмотришь, всюду цвели яблоневые сады. Они обступали город со всех сторон.

— Чистота Бельведера нас тоже очень волнует,—говорил мэр.—Вот здесь в воскресенье мы разобьем газон, а там посадим цветы.

Ромэн Морель, рассказывали мне товарищи из федерации компартии, живет в Вансе — это местечко неподалеку от Ниццы. Там он директорствует в кооперативе, который занимается разведением цветов.

— Знаешь, сколько цветов они присылают каждый год на праздники «Юманите»? — говорили мне.— Кстати, это именно они, из Ванса, отправили ящики алой гвоздики в подарок XXIII съезду КПСС.

Такие же алые гвоздики лежали возле памятника погибшим в первой мировой войне— скромного обелиска в центре Бельведера.

— Пятьдесят пять фамилий,— тихо заметил Пилипенко.— Это в таком маленьком местечке...

Мы шли главной улицей Бельведера. Я обратил внимание, что она называется рю Виктор Морель.

— Это мой брат,— сказал мэр.— Его расстреляли фашисты.

В большом зале мэрии собралось полгорода. Люди сидели, стояли. На столе лежали два флага — красный, с серпом и молотом, и трехцветный, сине-бело-красный, с изображением Марианны, которая идет в лучах солнца с сумкой землепашца.

Ромэн Морель сказал добрые слова о Советском Союзе, о братстве французов и русских в трудные военные годы, о том, что мы никогда, никогда не поднимем оружие друг против друга, что у нас общие идеалы — мир, труд, свобода. И люди аплодировали ему. Аплодировали горячо, искренне.

А потом нас пригласили поужинать в местную таверну,— она не имеет названия, просто говорят: «У Тазигильи».

Хозяйничал сам Жюль Тазигилья, веселый, краснощекий. Кто-то принес свежего хрустящего хлеба. Альбер Даниэль умчался домой, а потом появился с бутылкой, покрытой зеленой плесенью. Конечно, Жюль Тазигилья сейчас же полез в свой подвал и достал вино тоже бог весть каких времен...

Было включено телевидение, и диктор вначале говорил о катастрофах на дорогах Франции в прошедшее воскресенье, а потом передал экран научному обозревателю, и мы слушали про «Луну-10».

— Я в немецком концлагере выжил только благодаря русским,— сказал Ромэн Морель, задумчиво отламывая кусочек хлеба.— Когда меня привезли в отдельную команду Дидесфельд (это около Нойштадта, на севере Германии), я на ногах с трудом стоял. Там были русские военнопленные. Они отдавали мне свою еду, работали за меня, пока я не поправился немного. Помню большого, сильного человека из Севастополя. Он был весь изрешечен пулями. Как жив остался, не знаю. Он обо всех заботился, всем помогал...

— Вы давно в компартии, товарищ Морель? — спросил я.

— В тридцать пятом из меня хотели сделать кюре, но я вступил в комсомол. А в тридцать седьмом был самым молодым коммунистом на съезде нашей партии...

Мы вышли на площадь. Была уже ночь, и два прожектора выхватывали из темноты башню с часами.

— Знаешь,— сказал мэр,— этот свет видно далеко из долины. Это вроде нашего маяка. Коммунистический маяк Бельведер, а? Как ты думаешь?

Домой, в Канны, я ехал вдвоем с Ромэном Морелем,— девушек Николя Пилипенко увез в Ниццу, они там гостят по приглашению общества «Франция — СССР».

По крутой горной дороге машина летела со скоростью ста и больше километров в час.

— Машина сама знает путь,— шутил Морель.— Сколько раз мне приходится ездить туда и обратно. Дел много и в Бельведере и в Вансе...

Справа и слева в горах сверкали россыпи огней.

— Смотри,— показывал Морель,— там Ле Брок, там Каросс, там Гатьер — везде вице-мэры—коммунисты. Там Сэн-Мартен дю Вар— мэр-коммунист. А там, дальше, за горами,— Валлорис, где живет Пабло Пикассо, там мэр тоже коммунист. И в Бьоте тоже и в Люсераме...

Мы подъехали к развилке дороги. Свет фар выхватил из темноты табличку с названием города «Ле Сукье», а потом небольшую плиту из белого камня.

— Брата расстреляли здесь, у въезда в город,— сказал Ромэн Морель.

Мы вышли из машины. На плите у дороги было написано: «Прохожий, остановись на минуту. Здесь 26 июля 1944 года ордой нацистов был расстрелян молодой патриот Виктор Морель. Не забудем его».

...Когда прощались, Ромэн Морель попросил меня:

— Слушай, напиши, понравились ли в Москве, на съезде, наши гвоздики. Д'акор?

Сел в машину и умчался. Туда, где в ночной мгле светили огни. Добрые огни долины Везюби.

Ницца — Бельведер — Канны.

По телефону.

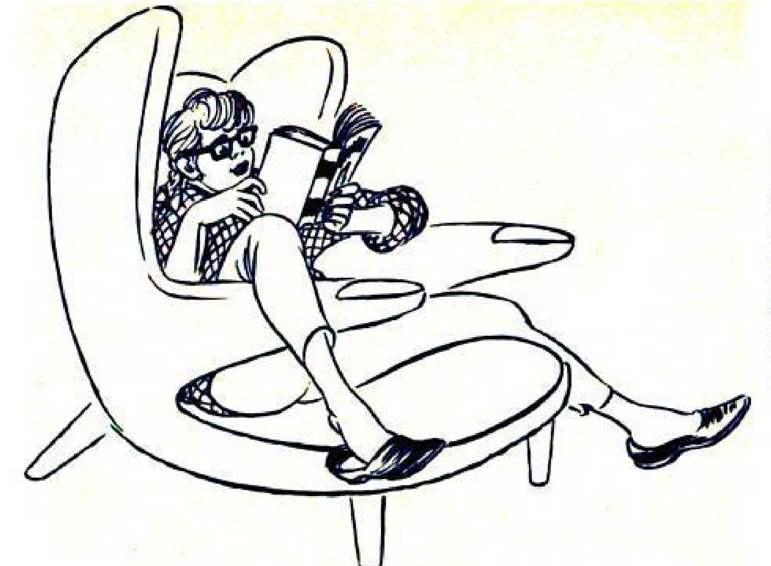
ИСКУССТВО СИДЕТЬ

Херлуф БИДСТРУП

В нашем маленьком благоденствующем королевстве нам сидится довольно уютно, хотя, как всегда при западной демократии, одним сидится лучше, другим — хуже. И, конечно, очень важно, где и на чем сидит человек. Если хочешь благоденствовать, то стремись сесть как можно выше. Другими словами, перемещай то, на чем сидят, все выше и выше — по возможности до министерского уровня.

Можно, конечно, доживать свои дни, сидя на каком-нибудь директорском посту. Особенно не утруждая себя, спокойно ожидая доходов, наград и премий, которые для тебя заработают другие.

Искусство сидеть столь важно, что искусство изготовления стульев в датской культуре занимает видное место. О, датские стулья вызывают восхищение во всех уголках земного шара!

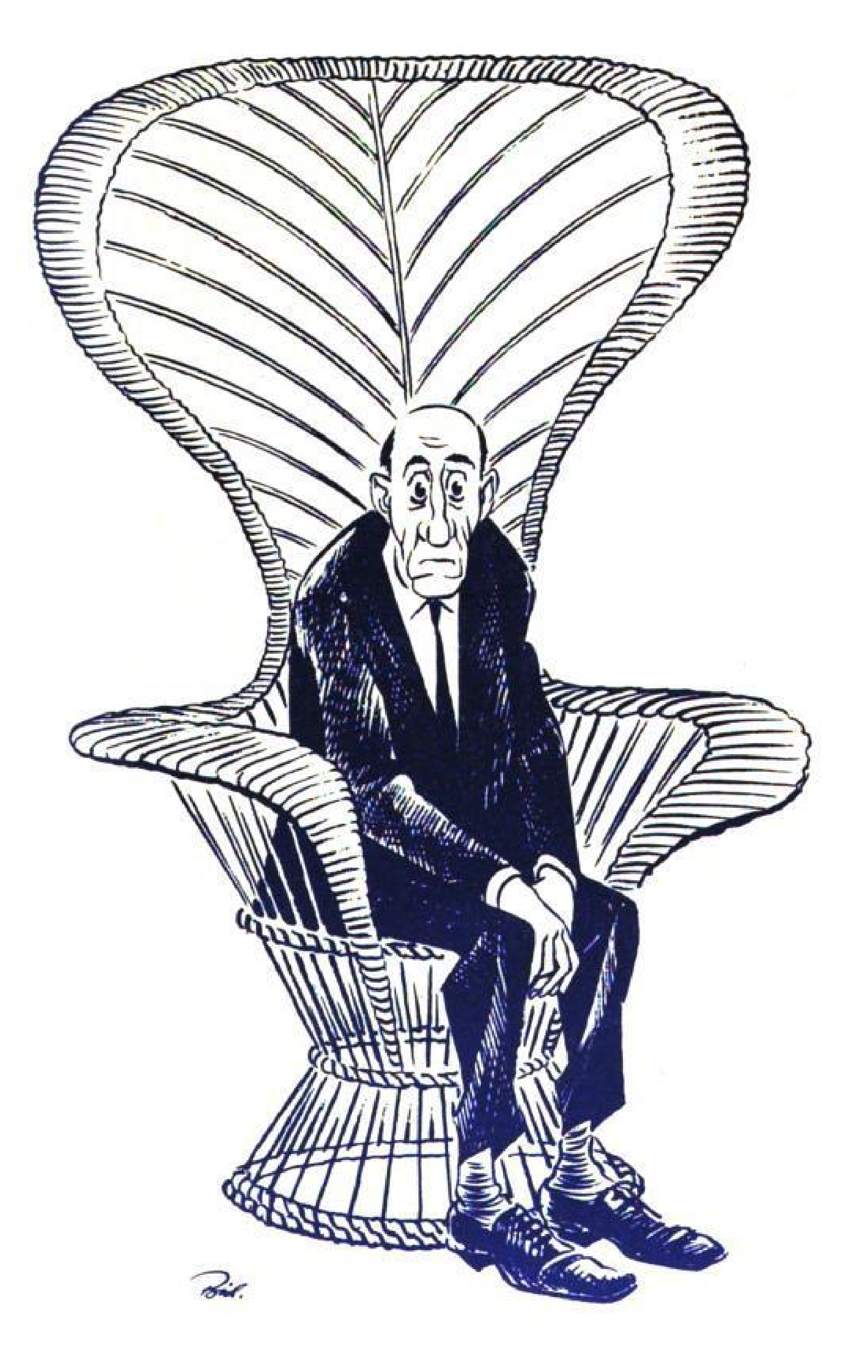

Эта вместительная конструкция, набитая пористой резиной, позволяет человеку принимать любые позы. Позы принимаются в зависимости от возраста. Молодые отдыхают с поднятыми вверх ногами и поэтому используют подлокотники для ног и головы. Пожилые, напротив, погружаются на сиденье так, как предусматривает конструкция. В этом случае подлокотники поддерживают пожилое благоденствующее тело, чтобы оно совсем не утонуло в кресле.

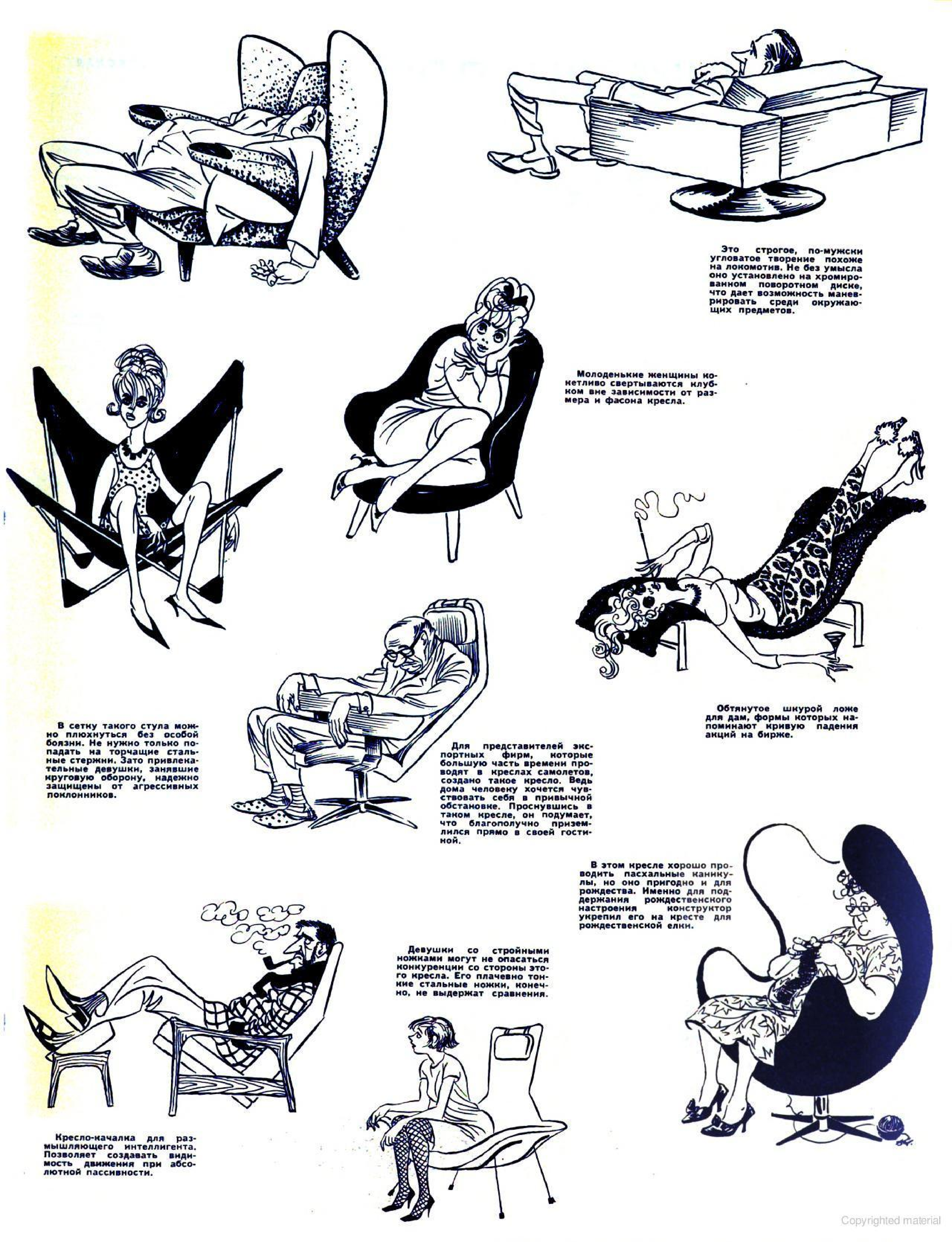
Пожилые чопорные дамы предпочитают твердые стулья. На мягкие кресла они посматривают свысока, как на продукт изнеженности, граничащей с безнравственностью.

Последние годы были годами возрождения плетеных стульев. Гибкий бамбук открывает поистине безграничные возможности для разыгравшейся фантазии. Слева вы видите конструктора стульев, справа — его мамашу, которая чувствует себя превосходно, устроившись, словно наседка в своем гнезде. Правда, плетенка одновременно напоминает и клетку для попугая. Если болтовня мамаши надоест, клетку можно поднять под самый потолок.

Это строгое, по-мужски угловатое творение похоже на локомотив. Не без умысла оно установлено на хромированном поворотном диске, что дает возможность маневрировать среди окружающих предметов.

Молоденькие женщины кокетливо свертываются клубком вне зависимости от размера и фасона кресла.

Обтянутое шкурой ложе для дам, формы которых напоминают кривую падения акций на бирже.

В сетку такого стула можно плюхнуться без особой боязни. Не нужно только попадать на торчащие стальные стержни. Зато привлекательные девушки, занявшие круговую оборону, надежно защищены от агрессивных поклонников.

Для представителей экспортных фирм, которые большую часть времени проводят в креслах самолетов, создано такое кресло. Ведь дома человеку хочется чувствовать себя в привычной обстановке. Проснувшись в таком кресле, он подумает, что благополучно приземлился прямо в своей гостиной.

В этом кресле хорошо проводить пасхальные каникулы, но оно пригодно и для рождества. Именно для поддержания рождественского настроения конструктор укрепил его на кресте для рождественской елки.

Девушки со стройными ножками могут не опасаться конкуренции со стороны этого кресла. Его плачевно тонкие стальные ножки, конечно, не выдержат сравнения.

Кресло-качалка для размышляющего интеллигента. Позволяет создавать видимость движения при абсолютной пассивности.

ВЕСЕННИЕ ДИАЛОГИ

Варвара КАРБОВСКАЯ

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

— Алик!

— Ну?

— Я тебя никогда-никогда не спрашивала об одной вещи. Спрашивать — значит не доверять, а я тебе верю во всем, больше, чем себе самой! Но сегодня все такое весеннее, такое необыкновенное, и я хочу услышать от тебя только одно слово... Любишь? Да?

— Угу.

— Милый! Ты даже не представляешь, как много значит для меня это слово. Вот ты сказал, что любишь, и я стала самой счастливой женщиной на свете! Приятно любить самую счастливую женщину на свете, правда?

— Ннну!

— Родной! Ты вложил в это маленькое «ннну» столько теплоты, столько гордости! Ведь ты гордишься мной, хоть немножечко гордишься, да?

— Ага.

— Я это знала, любимый. И ты можешь быть уверен, что я не омрачу твоей веры в меня! Знаешь, когда я сдаю зачеты, я всегда думаю: только бы ответить лучше всех, чтоб ты мог сказать: «Она у меня ого-го, самая способная, умница, молодец!» Ведь ты доволен, когда я сдаю лучше всех?

— Ммм...

— До чего это у тебя выразительно получается. «Ммм...» — и сразу понятно, что ты согласен и одобряешь! Ведь для меня очень, очень важно твое одобрение во всем. Ты думаешь, для кого я одеваюсь? Все говорят: «Ой, Людка, какое на тебе платье!» А я жду. Жду: вот придешь ты, заметишь или не заметишь? И ты всегда замечаешь! Ведь да, замечаешь?

— Ыгы.

— Ты какой-то особенно лаконичный, острый, точный. И скромный! Ты не хвалишься своим хорошим вкусом, но ты всегда умеешь правильно оценить, как у меня все подобрано одно к одному, никакой вульгарности, никакой крикливости. И тебе нравится во мне еще одна вещь. Сказать?.. Тебе нравится моя фигура! Да-да, ты доволен, что я у тебя стройная, как тростиночка. Ведь нравится?

— Ххо!

— А когда на лекции ты смотришь на меня, я начинаю не понимать, что там говорит профессор... Я понимаю только одно: своими глазами ты ласкаешь мои волосы, глазами ты говоришь: «Какие они у тебя каштановые, мягкие, блестящие...» А когда встречаются наши взгляды, то я уже вообще ничего не соображаю. Да-да, и мне не стыдно в этом сознаться! И я читаю в твоем взгляде то, что ты думаешь: «Люблю твои глаза, они синие, как озера. Никому не отдам, они мои!» Ведь верно, ты это самое хотел сказать, когда сегодня на философии смотрел на меня?

— Ыыыы...

— Тебе смешно? Я всегда говорю, что у тебя удивительное чувство юмора! И тебе весело со мной! Знаешь, почему? Потому что у меня легкий характер. И потому что я ласковая и нежная, как никто! Тебе хорошо со мной, да?

— А-а.

— Ой, как не хочется расставаться! Столько еще тобой недосказано, столько еще мной недослушано... Но ничего не поделаешь, иди. А то сейчас Татьяна явится из кино. Татьяна в общежитии золотой человек, только у нее с Петром совсем не так, как у нас с тобой. Когда я ей рассказываю, как у нас с тобой, она всегда говорит: «Людка, я тебе завидую!» А я ей говорю: «И правильно, и есть чему завидовать!» Ведь правда, нам можно завидовать?

— Ннну!

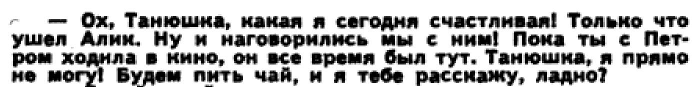
— Ах, Алик, только бы скорей кончить институт, и чтоб у нас была своя, своя собственная комната, чтоб только ты и я! Вот уж тогда бы мы наговорились вволю! И знаешь, мне даже все равно где, здесь или на краю света... Лишь бы с тобой.

— Э-э.

— Это просто удивительно, как мы всегда думаем и говорим одинаково! Ну иди, милый. И думай о том, какие мы с тобой счастливые!

— У-у.

●

ДИАЛОГ ВТОРОЙ

— Ох, Танюшка, какая я сегодня счастливая! Только что ушел Алик. Ну и наговорились мы с ним! Пока ты с Петром ходила в кино, он все время был тут. Танюшка, я прямо не могу! Будем пить чай, и я тебе расскажу, ладно?

— Давай-давай.

— А может быть, тебе неинтересно? Тогда я не буду.

— Да уж давай, выкладывай. Мучай меня. Со мной ведь Петька так не разговаривает, как Алик с тобой.

— Ты знаешь, Татьяна, я даже сама удивляюсь, откуда берутся такие слова... Иногда слушаешь, как наши ребята говорят, и думаешь: «До чего невыразительно: тык-мык... эт сам... пнимашь... знчт...» А девчонки ничего: слушают — и им даже нравится, влюбляются. Нет, я бы так не смогла! Вот хоть твой Петр — филолог, ты, пожалуйста, не обижайся, но ведь и у него нет настоящих слов...

— Куда уж там, никаких нет, не то чтобы настоящих. По-деловому он будет говорить хоть час, не закрывая рта, а по-любовному... сроду этого не было и, наверно, не дождусь.

— Вот видишь! А у Алика... Каждое слово отпечатывается у меня в мозгу, могу наизусть. Он говорит: «Сегодня такое весеннее, такое необыкновенное настроение». И спрашивает: «Любишь?» А потом говорит: «Я хочу, чтобы ты, Люда, была самой счастливой женщиной на свете. Чтобы я любил самую счастливую женщину!»

— Ух, черт!

— Да. А потом говорит: «Я хочу гордиться тобой, и я знаю твердо, что ты никогда не омрачишь моей веры в тебя!»

— Даже что-то уж очень...

— Вот так у него иногда получается! А потом говорит: «Ты у меня умница, молодец, способная, и,— говорит,— у тебя столько вкуса, я всегда любуюсь, как ты одета».

— От Петьки дождешься! Я его один раз спросила: «Тебе нравится моя новая кофточка?» А он говорит: «Когда наденешь, погляжу, только можешь особенно не спешить, и так хорошо». Абсолютно ничем не интересуется!

— Зато Алик — решительно всем! Говорит: «Когда я смотрю на тебя на лекции, я глазами ласкаю твои каштановые волосы, такие мягкие, такие блестящие...»

— Ты гляди, прямо как поэт!

— А про глаза сказал, что они у меня синие, как озера.

— Ну, уж это какая-то литературщина.

— Да? Мне тоже так показалось, но ведь он не филолог, как твой Петр, а медик. Откуда медику знать, что литературщина, а что нет. А про мой характер он сказал, что он у меня легкий, что я ласковая и нежная, как никто. А уходя, шепнул, что ему до того не хочется со мной расставаться, но что вот-вот из кино должна вернуться ты, и ему надо уходить. Он и про тебя сказал, что ты золотой человек.

— Прямо он у тебя какой-то особенный.

— А другого бы я не полюбила! Уже на пороге посмотрел на меня и говорит: «Моя мечта, чтобы поскорее жить вместе, чтобы только ты да я, вот тогда бы мы наговорились вволю! Все равно где жить,— говорит,— хоть на краю света, лишь бы вместе».

— Умеют жить люди! Слушай, ничего, если я Петру расскажу?

— Пожалуйста. Мы из нашей любви не делаем никакого секрета.

— Расскажу Петьке, может быть, и ему захочется разговаривать, как люди. Он как раз хотел к нам сюда зайти, я ему обещала рубашку выгладить. Брюки гладить научился, а рубашки — никак.

— Ладно, Танюша, вы тут с ним разговаривайте, а я еще к девчатам в двадцатую комнату сбегаю. Не могу на месте сидеть, душа поет!

●

ДИАЛОГ ТРЕТИЙ

— Петр, вот ты филолог, а у тебя настоящих слов нет. А Людкин Алик — медик, но у него такие слова берутся, как у Тургенева.

— Что же такое тургеневское он тебе говорил?

— Не мне, а Людке. А она уже мне пересказывала, что он сказал, что она сказала.

— Между прочим, именно так пишутся некоторые интервью. Журналист сам предварительно придумывает текст, а потом подсовывает его тому, с кем разговаривает. Когда садится писать, все перетасует — и полный порядок. Именно так, как ему хотелось.

— Ты всегда все знаешь лучше других, уж больно умный! Поучился бы у людей. Алик Людке сказал и про волосы, что они у нее каштановые, и про глаза. Сказал, что она ласковая и нежная. И что ему страшно не хочется с ней расставаться даже на один день, и он только мечтает о том времени, когда они будут вместе на всю жизнь. Между прочим, он всегда замечает, как она одета, и называет ее тростиночкой... Вот как люди говорят, не то, что...

— А знаешь, в этом что-то есть...

— Наконец-то!

— Нет, я не в том смысле, чтобы тебя называть тростиночкой. Какая тростиночка в шестьдесят два кило! Да и в Людке твоей не меньше. А я про то, что это может кому-нибудь пригодиться... Хотя бы для нашего Зубра. Он с важным видом утверждает, что в наше время секрет объяснения в любви утрачен, что мы не утруждаемся подбором слов. Мне даже и самому пригодится. Знаешь, Татьяна, когда я начну наконец писать роман, ты мне все это напомни.

— Ой, Петька!

— Что еще?

— То, что ты сейчас сказал.

— Что я сейчас сказал?

— Что когда ты наконец будешь писать роман, чтобы я тебе напомнила... Значит... значит, мы тогда будем вместе, когда ты будешь писать роман, да?

— Ммм...

— Молчи, молчи, лучше не скажешь! У тебя сейчас это так здорово получилось!.. Ладно, Людка, теперь держись, не у одной тебя есть что рассказывать. У меня тоже теперь такие слова — солнечные, весенние, особенные: «Когда будем жить вместе, будем вместе работать над романом!» Да, это тебе не голубые озера...

ОТ АВТОРА. А кому не хочется милых, солнечных, прелестных слов? От друзей и любимых, от мужа или от жены. По-моему, никто бы не отказался. Но только не все и не всем их предлагают. А, право, жаль.

«Спартак» выиграл 4 : 0! Рисунки Е. Шабельника.

Владимир **КОНСТАНТИНОВ**,

Борис **РАЦЕР**

Когда-нибудь, в любой приехав город,
Конструктор, врач, колхозник иль доцент
Придет на площадь, посреди которой
Предстанет взору скромный монумент:

На каменном массивном чемодане
Сидит усталый, грустный человек,
На каменном лице его — страданье
И никакой надежды на ночлег.

Он озирает взглядом безразличным
Ему немилым ставший белый свет,
Внизу прибита медная табличка:
«Свободных номеров сегодня нет!»

Утрут слезу, наверное, нередко
Потомки наши, вспомнив те года,
Когда командированные предки
В чужие приезжали города,

Когда, устав толкаться в вестибюлях
И паспорта протягивать в окно,
Они толпой брели вдоль шумных улиц,
Шли с чемоданом в цирк или в кино.

Потом опять в гостиницу спешили,
Опять стояли молча под окном,
Потом (хоть дома этим не грешили)
Шли за вином в ближайший гастроном.

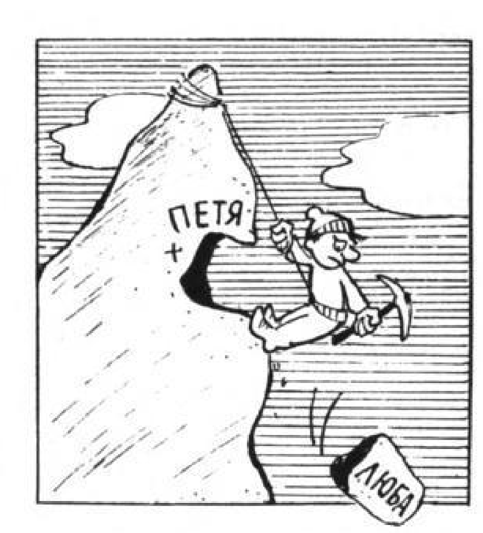
Уж вы, потомки, предков извините,
Они на шаг решались таковой,
Чтобы попасть в районный вытрезвитель,
Чтоб ночью кров иметь над головой.

Так пусть о них, на всех вокзалах спавших
И лишь во сне гостиницы видавших,
Навек потомство память сохранит,
Одев их в бронзу, мрамор и гранит.

...На днях в командировку нас послали,
И этот стих родился в тот момент,
Когда глубокой ночью на вокзале
Мы, так сказать, живьем изображали
Еще не утвержденный монумент.

— А тебе что надо в моей холостяцкой квартире?
Рисунок Ю. Черепанова.

Прошла любовь.
Рисунок Р. Свирина.

— Купим?
— Так ведь мы же договорились: с нами твоя мамочка будет жить.

Рисунок В. Воеводина.

— Да свой я, милая! Ветврач.
Рисунок В. Воеводина.

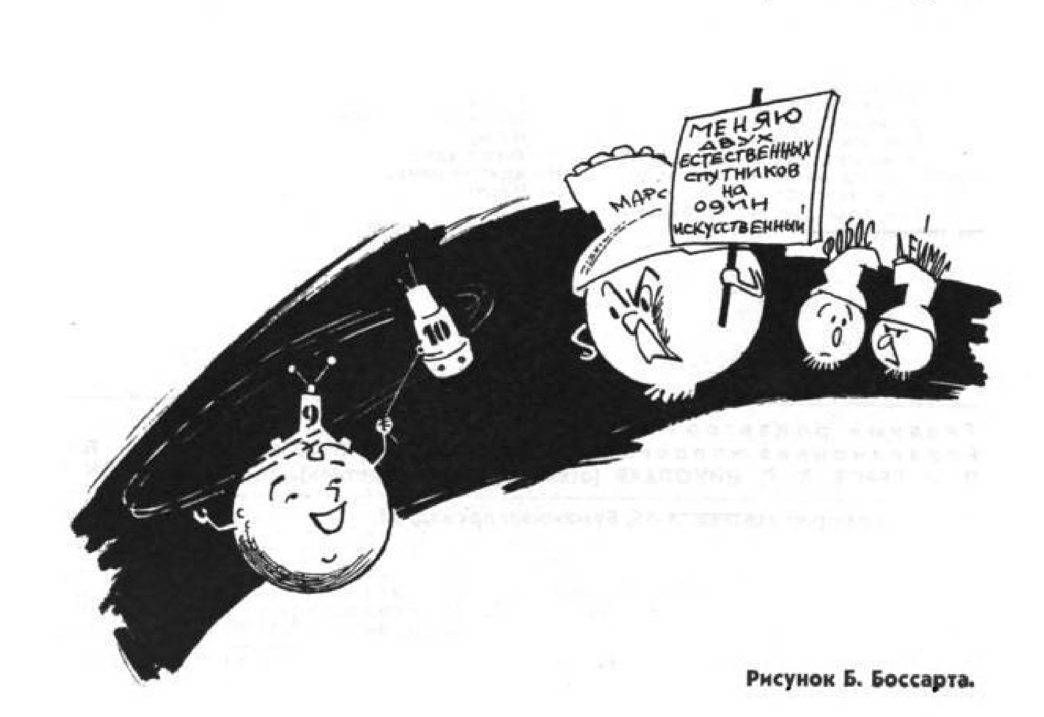

Рисунок Б. Боссарта.

«Советскому фото» — 40 ЛЕТ

Самый дотошный читатель, вероятно, у журнала «Советское фото».

Если фотокорреспондентов у нас сотни, то фотолюбителей — миллионы. Последние, в общей массе, переводят такое количество пленки, что ее наверняка можно было бы протянуть к самым дальним планетам. И если не вся пленка истрачена бесплодно, то в этом немалая заслуга журнала, на протяжении сорока лет учившего своих читателей искусству фотографии.

Лучшие достижения фотографической классики и разбор творчества известных мастеров, обзор работ фотоклубов, всесоюзных и международных выставок и конкурсов, творческие дискуссии и технические советы — это далеко не полный перечень того, чем заполнены страницы журнала.

Пожелаем юбиляру новых достижений, ибо от его успешной работы во многом зависит, насколько ярко запечатляется в образах наша эпоха!

●

Сергей ВОРОНИН

Гриша говорит...

— Вася?
— Я...
— Гриша говорит...
— Ага...
— Чего делаешь?
— Грунтую...
— А у меня чего-то не пишется. Хочу прогуляться. Пойдем!
— Так ведь...
— Весна. Пройдемся...
— Так ведь...
— Поговорим об искусстве.
— Так ведь...
— Ну-ну!
— Тогда ладно, только чтоб...
— Ну-ну!
— ...Того, ладно, еду!

Чуть позже друзья встречаются.

— Куда пойдем?
— Так ведь, если прямо.
— На проспект выйдем. Там «Восточный».
— Это верно. Тогда вправо?
— «Чайка».
— А влево если?
— Влево? А чего влево делать?
— Так ведь...
— Пойдем прямо. Посидим, поговорим об искусстве.
— Так ведь...
— Пить не будем.
— Не надо бы...
— Ну, и не будем.
— Тогда ладно...
— А может, не пойдем?
— Так уж договорились.
— А может, не пойдем? Чтоб опять ты на меня не сваливал, что это я виноват.
— Так ведь... если не будем, то почему же не пойти?
— Ну, смотри... А может, не пойдем?
— Так ведь уж договорились...
— Ну, смотри!

Через полчаса друзья в ресторане.

— Водочки... и бутылку «Боржоми».
— Не надо бы...
— Ну, если по сто?
— Не надо бы.
— По сто, и больше ни капли.
— Ну, тогда ладно...
— А может, не надо?
— Так ведь уж договорились.
— А может, не надо.
— Так ведь, если по сто...
— Ну, смотри, чтоб потом на меня не сваливать, что это я виноват.
— Так ведь, если по сто...
— Ну, смотри... А то ведь и так можно, поговорим об искусстве...

Через полчаса.

— Еще графинчик!

Через...

— Еще!

На другой день.

— Вася?
— Я...
— Гриша говорит.
— Ага...
— Чего делаешь?
— Грунтую...
— А у меня чего-то не пишется. Хочу прогуляться. Пойдем?
— Так ведь...
— Весна. Пройдемся...
— Так ведь...
— Поговорим об искусстве.
— Так ведь...
— Ну-ну!
— Тогда ладно, только чтоб...
— Ну-ну!
— Тогда еду...

На другой день.

— Вася?
— Я...
— Гриша говорит.

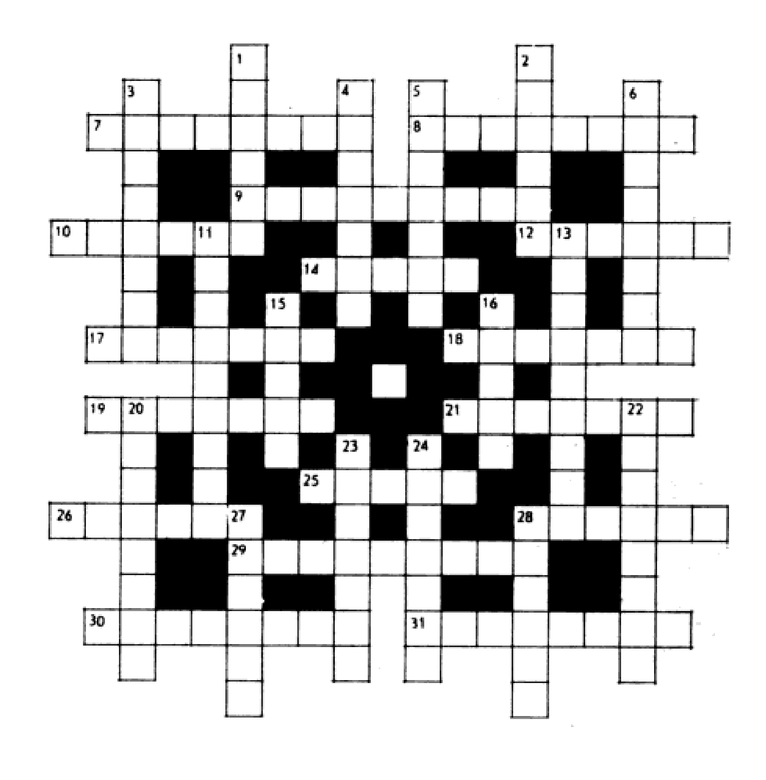
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Автор оперы «Гугеноты». 8. Часть сценического оформления спектакля. 9. Ягода. 10. Старинное гребное судно. 12. Морская рыба. 14. Предварительный набросок рисунка. 17. Река в Африке. 18. Раздвижное кресло. 19. Изменение скорости химической реакции. 21. Произведение живописи. 25. Снежная буря, метель. 26. Музыкальный интервал. 28. Водоплавающая птица. 29. Радиотехническое устройство. 30. Итальянский писатель XIV века. 31. Надстрочный знак.

По вертикали:

1. Драгоценный камень. 2. Синтетическое волокно. 3. Народный танец. 4. Город в Казахстане. 5. Радиоактивный элемент. 6. Альпийская фиалка. 11. Голландский живописец и график XVII века. 13. Размах колебаний. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 16. Приток Камы. 20. Актер, народный артист СССР. 22. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 23. Картина И. И. Шишкина. 24. Смесь уксуса и пряностей. 27. Дипломатический ранг. 28. Советский поэт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

4. Планерское. 7. «Казаки». 8. Рубанок. 11. Каюта. 12. Скворец. 13. Пони. 14. Багранка. 17. Слепок. 18. Бобрик. 20. Гамбузия. 23. Воже. 24. Кальмар. 25. Нетто. 27. Бальзак. 28. Угодье. 29. Тарантелла.

По вертикали:

1. Алмаз. 2. Антилопа. 3. Мозаика. 5. Шахтер. 6. Потомак. 8. Райнис. 9. Мадагаскар. 10. «Декабристы». 15. Корт. 16. Бега. 18. Бульвар. 19. Кролик. 20. Геркулес. 21. Ущелье. 22. Кальман. 26. Рояль.

На первой странице обложки: Группа фанфаристов Московской военно-музыкальной школы. В день Первомая на Красной площади зазвучат их серебряные трубы.

Фото И. Туннеля и Г. Макарова.

На последней странице обложки: На берегу Десны.

Фото Н. Козловского.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление В. СОКОЛОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10591. Подписано к печати 27/IV 1966 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 770. Заказ № 1061.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОДАРОК УЧЕНЫМ

Ленинградский зоолог Е. В. Жуков сфотографировал на побережье Карибского моря интересное животное — ламантина, добытого кубинскими друзьями для ученых Советского Союза.

Ламантин — травоядное животное, обитает на мелководье, вес его достигает 400 килограммов, длина тела — 6 метров.

В. КРИВОШЕИН

ПОЖАРНИЦЫ

В ГДР в одной пожарной команде служат 15 женщин. Бесстрашные укротительницы огня справляются со своими обязанностями ничуть не хуже мужчин.

ВОЛЕЙБОЛ НА БАТУТЕ

Эта игра выдумана в Австралии. На снимке — один из моментов тренировки.

УЛЫБКИ ХУДОЖНИКА В. ГАЛЬБЫ.

Новое созвездие...

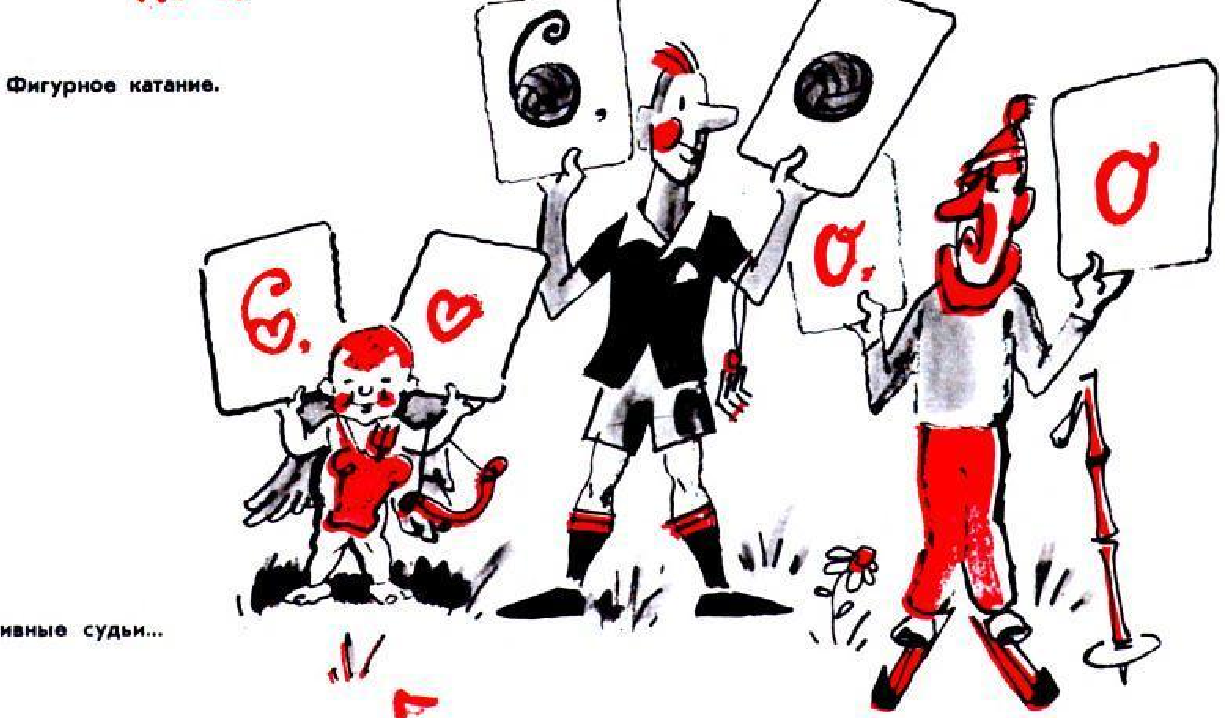
Открытие весеннего сезона.

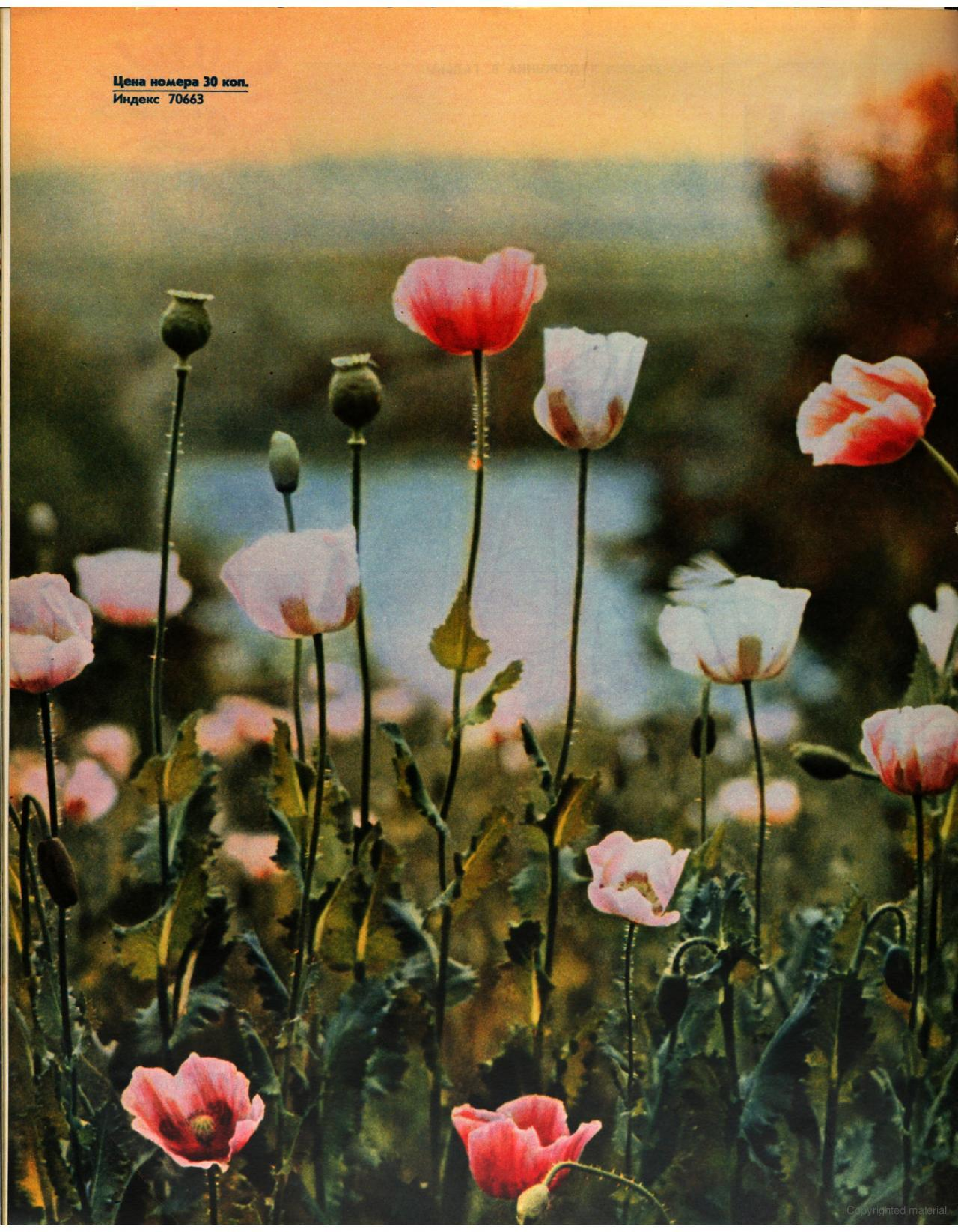
Фигурное катание.

Рыболов с установившейся репутацией.

Спортивные судьи...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663